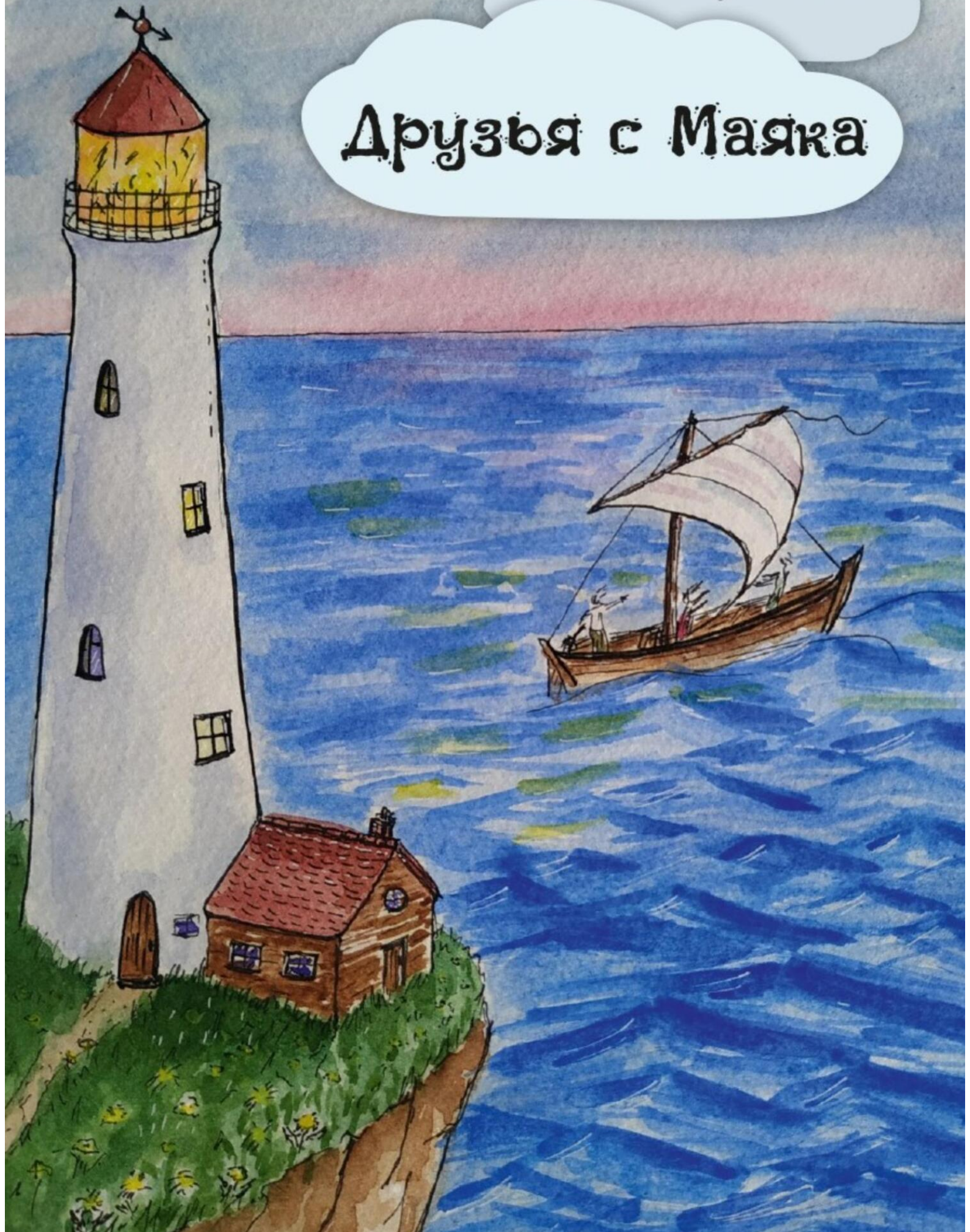

Полина Супягина

Друзья с Маяка

Полина Сутягина
Друзья с Маяка

«Автор»

2023

Сутягина П.

Друзья с Маяка / П. Сутягина — «Автор», 2023

Добрые и увлекательные истории «Друзей с Маяка» являются продолжением книги «Трое с маяка, или Булочная на Краю Света». Новый год из жизни обитателей маяка и их друзей из Городка-вниз-по-холму приносит перемены. Мальчик Томми в компании старых и новых друзей постигает морское искусство, раскрывает древние тайны и находит новые, и главное – следует за своей мечтой. В Городке появляются новые обитатели, и одна из них оказывается ничуть не менее авантюрная, чем Томми. В книге раскрываются подробности прошлого Мари и Жаннет, держащих «Булочную на Краю Света», и те перемены, которые им приносит этот год. Насыщенная маленькими и большими событиями жизнь друзей с маяка, долгожданный уют домиков под черепичной крышей и запах свежей выпечки из «Булочной на Краю Света» снова зовут вас в гости! А дорогу показывает протянувшийся, словно рука друга, луч с вершины старого маяка!

© Сутягина П., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Часть первая. Первые грозы	5
Глава 1. Одуванчиковый день	5
Глава 2. Письмо по старому адресу	15
Глава 3. Небо сереет	24
Глава 4. В проблеске грозы	30
Глава 5. Небеса проясняются.	41
Часть вторая. Зброшенный дом	51
Глава 1. Девочка с рыжими волосами	51
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Полина Сутягина

Друзья с Маяка

"Мы создаем мечту!"

Мастер Краус

Часть первая. Первые грозы

Глава 1. Одуванчиковый день

Мари выглянула в окно и не поверила глазам: холм, на котором белой свечой возвышался их маяк, застилала пестрая желтая рябь. Без всякого предупреждения солнечные головки одуванчиков разом заполнили весь склон! Глубоко вдохнув теплый, напитанный предвкушением лета воздух, Мари почувствовала, что ветер за ночь поменял направление и больше не дышал дождем, как в предыдущие месяцы, вместо этого легкими теплыми порывами ерошил он шерсть небесных овец, неспешно идущих на стрижку, и качал желтыми головками в зелени молодой травы.

Такой славной погоды не было даже, когда день уравнился с ночью, и одна из обитательниц маяка покинула его, чтобы стать хозяйкой в новом доме. Одновременно с радостью и сожалением помогала тогда Мари своей подруге с переездом. И хотя молодая жена почтальона жила совсем недалеко и все так же продолжала помогать в булочной, Мари было непривычно готовить только на двоих и не видеть за ужином улыбающегося лица Жаннет. Девушка вспоминала, как часто подруга-художница спускалась в гостиную, заляпанная краской, сама того не замечая, а когда ей говорили, принималась тереть рукой, еще более размазывая краску по лицу... Мари улыбнулась майскому утру и своим воспоминаниям. Отстранившись от подоконника, на который опиралась ладонями, девушка быстро побежала по винтовой лестнице вниз. Распахнув входную дверь, она босиком ворвалась в царство одуванчиков. А чуть позже охапка желтых цветов была помещена в глиняную вазу, украсив стол в гостиной.

Наверху хлопнула дверь, и на металлической лестнице послышались торопливые шаги. Проходя мимо комнаты Жаннет, Томми бросил взгляд на деревянную дверь, слегка приоткрытую сквозняком, – ему захотелось привычным движением забарабанить по ней с криком «Жаннет, вставай!», чтобы разбудить работавшую почти до зари художницу. Теперь эта привилегия досталась другим. Анри рассказывал как-то за ужином – а они продолжали часто собираться все вместе – что привычки Жаннет не сильно изменились после свадьбы.

Из комнаты все еще доносился слабый запах масляной краски...

– Томми, я должна серьезно поговорить с тобой, – Мари накрывала на стол.

«Хорошенькое начало такого солнечного и теплого дня», – подумал мальчик, прицеливаясь, что бы ему ухватить со стола и побыстрее ретироваться. Конечно же, Мари собиралась говорить с ним о лодке, которую они уже несколько месяцев строили вместе с Элис и Сэмом младшим.

Все свободное время Томми проводил на пляже, рядом с бывшим домом капитана Нордваттера, где ребята установили деревянные подпорки для своего судна и небольшой навес. Элис тоже старалась уделять их «Фрегату», как называл его Томми, достаточно времени, но у нее была помимо этого еще танцевальная школа и строгая мама. А Сэм, хоть и был хорошо знаком с устройством малых судов и являлся отменной подмогой молодому капитану, нес обязанно-

сти старшего сына в большой семье Фюшкинсов и не всегда имел возможность приходиться на «верфь» каждый вечер. Томми же проводил там иногда даже и дневное время, и, разумеется, это шло в ущерб занятиям в школе. Мальчик догадывался, что еще до того, как мадам Жерни успела уведомить Мари о своих тревогах, та уже получила вести из другого более близкого источника. Но что он мог поделать? С тех пор, как пришло потерянное письмо от считавшихся пропавшими без вести родителей, мальчик с трудом мог оторвать мысли от морских путешествий, а взгляд – от горизонта, где небо соприкасалось с манящей водной гладью, обещающей огромный новый мир. По ночам, при свете лампы, он читал выпуски журнала Географического Общества, которые для него выписывал из города мистер Вилькинс, расстилал на полу коричневатые простыни карт, позаимствованные у него же или оставшиеся от мистера Нордваттера. Вместе с Сэмом и Элис они чертили на обратной стороне старых рулонов обоев планы корабля, обложившись книгами из библиотеки капитана, теперь обитавшими на маяке. К удивлению мальчишек, Элис показала себя весьма способной в расчетах. Зная работу с выкройками, она легко справлялась с перенесением чертежей из одного масштаба в другой, аккуратно и педантично перерисовывая их в нужном размере. Сэм был хорош в практической части и знании моря, а инструмент в руках мальчишки казался продолжением его рук. Томми же отвечал за анализ литературы и идейную составляющую. И, хотя Сэм иногда посмеивался, что руки у Томми росли не из самого привычного места, юный мечтатель все же являлся основным строителем их будущего «Фрегата».

– Послушай, – Мари налила чай, – я понимаю, что в такую погоду, как сейчас, в школу ходить не слишком хочется...

– ...У, не в эфом фело... – Томми отчаянно запихивал в рот бутерброд почти целиком.

– Да прекрати же дурачиться! – девушка встряхнула собранными в конский хвостик волосами, – подавишься!

Однако не тут-то было, Томми блестяще справился с бутербродом, глотнул чая, схватил еще один, и со словами «мне пора» бросился к двери.

– Томми!

Дверь хлопнула, только вздрогнули желтые головки одуванчиков.

– Совсем не совладать стало... Ладно, вечером поговорим, – Мари добавила молока себе в чашку и села завтракать.

Томми вприпрыжку летел через лес, спугивая с ветвей голосающих весенние песни птиц. Было еще рано, и Городок-вниз-по-холму спал, редкие хозяйки сонно потягивались, собираясь растапливать печь, и только те, что держали скот, были уже на ногах. Даже ранняя пташка – Мари – еще не вышла на лесную тропинку, чтобы первой открыть булочную и наполнить улочку ароматом свежего хлеба, а Томми уже бежал к берегу, где в старом домике на сваях он хранил свой инструмент.

Теплый соленый ветер ударил в лицо мальчику, взъерошил его светлые волосы, дернул за воротник рубашки, забрался внутрь и захлопал ею, как парусом корабля при смене галса¹.

Нашарив под заветным камнем ключ, мальчик отпер домик и вытащил наружу тяжелый деревянный короб с инструментом. «Сделаю пока, что успею, – подумал Томми, – а там как звонок услышу – побегу». Звонок он, конечно же, не услышал.

Элис было не усидеть. Она то бросала взгляд за окно, открывавшее клочок голубого неба и школьного двора, но, разумеется, берега через него было не увидеть, а то украдкой погля-

¹ Сменить галс или лечь на другой галс – совершить поворот судна, при котором ветер, дувший в один борт, будет дуть в другой. При лавировке судна галс – это отрезок пути, который оно проходит от поворота до поворота.

дывала на закрытую вслед за отгремевшим звонком дверь классной комнаты. Но Томми не появлялся, причем такое происходило уже не первый раз. Элис догадывалась, где она могла бы найти его сейчас, и это-то и тревожило ее. Почему он так часто стал пропускать занятия? Но в очевидном беспокойстве об образовании друга была и совсем иная нотка. Ведь обещание ходить в школу было частью его соглашения с Мари. Неужели он снова собирается уйти? Дверь смущенно скрипнула, и в класс скользнул мальчик, удостоившись укоряющего взгляда преподавательницы. Элис сразу вскинула голову, но тут же снова опустила взгляд в книгу – это был не Томми.

Обернувшись, девочка встретила взглядом с большими карими глазами одноклассника, сидевшего в противоположной части комнаты. Сэм Фьюшкинс, долговязый мальчик, в силу своего роста отправленный на заднюю парту, неопределенно пожал плечами. В ответ Элис слегка поджала губы, что было скорее знаком задумчивости, чем недовольства, и отвернулась к доске. Вся надежда была на третий урок. Географию Томми старался не пропускать.

Тем временем в небольшом домике почтальона, покрытом свежей желтой краской, раздался страшный металлический грохот. Однако он никого не потревожил, ибо в доме сейчас находилась только лишь виновница шума. Мать почтальона в этот момент занималась подрыванием кустов в саду, к тому же была глуховата, и ничего не услышала, продолжая неспешно орудовать секатором. На кухне Жаннет недовольным взором оглядывала последствия своих действий. Несколько крупных кастрюль, все еще продолжая покачиваться на округлых бортах, словно корабли в дрейфе, лежали на полу, куда были низвергнуты рукой незадачливой хозяйки. Сковородки в силу своей формы занимали более стабильное положение, уже перестав издавать низкий гул, которым они сопровождали приземление. Наибольший урон получила фарфоровая чашка, просто попавшая под сковородо-кастрюльную лавину. Теперь она представляла собой разбрызганную по полу горстку черепков.

Жаннет еще раз тяжело вздохнула. И всего-то-навсего тянулась за небольшим ковшом, который, в отличие от своих соседей, все еще предательски восседал на верхней полке. Снова мысль о табуретке проникла в голову Жаннет. «Ну, нет уж! Раз в первый раз не стала, теперь-то уж чего?» – и она потянулась к ковшу.

Последовал короткий лягз, и на кухне снова воцарилась тишина.

– Подумаешь, какой важный! – девушка подобрала ковш с пола, а затем занялась остальной утварью.

Анри обычно покидал дом рано, часто еще даже до пробуждения жены. Первые дни после свадьбы девушка делала героические усилия, чтобы успеть встать и не только проводить мужа, но даже приготовить ему завтрак, хотя бы сварить кофе. Ее хватило на две полных недели. Но пустые холсты жгли ее изнутри, зудели, как изъеденная комарами кожа, и, в конце концов, вечера подле мужа плавно стали перетекать в ночи у мольберта, а утренние пробуждения стали все мучительнее. Мари вздыхала, что Жаннет клюет носом у прилавка во время своих смен. Старушка мать тихонько сокрушалась, что она ничего не может найти на кухне после сомнамбулического хозяйствования невестки. А однажды утром Анри отставил чашку с кофе, в котором вместо двух ложек сахара, как он любил, были заботливо перемешаны супругой две ложки соли, и положил этому конец, сказав, что масло на хлеб он с утра вполне в состоянии намазать сам, и ему куда важнее выпавшаяся и адекватная жена. С тех пор жизнь в доме почтальона потекла спокойнее.

Однако сегодня Жаннет была настроена решительно. До смены в булочной оставались еще целых два часа, а дороги до места не более минут пяти, так, во всяком случае, полагала жена почтальона. Сегодня она собиралась приготовить полноценный обед и занести его на почту Анри.

Взяв небольшую метелку с замятой на одну сторону щетиной, Жаннет аккуратно собрала осколки. Самое неприятное было то, что чашка принадлежала сервизу. Конечно, мама Анри

наверняка скажет – «к счастью». Старушка с первого дня тепло приняла невестку в свою семью. И это была первая «официальная» семья девушки за долгие годы. На маяке все было немного иначе, Жаннет прибыла туда когда-то в статусе помощницы, а в итоге прожила там как равный независимый член команды, в конце концов, почти семьи. Но здесь, в новой семье, она боялась, что от нее будут ждать соответствия общепринятым ролям. На маяке ее принимали такой как есть, без статуса, без ярлыка. Она была просто Жаннет. Теперь же она стала «женой», «невесткой», «хозяйкой дома»... И ведь за этими табличками стояли не просто слова, но представления, соответствия, ожидания. И в первую очередь те, которые она сама неосознанно им приписывала.

Жаннет вздохнула и унесла осколки. «К счастью, к счастью, к счастью», – пробубнила себе под нос художница.

Отрывисто глянув на часы, Мари поспешила улыбнуться очередной покупательнице. В печи надували слоеные бока круассаны, заполненные домашним шоколадом. Партия коричневых булочек подходила, греясь рядом. А между тем Жаннет все не появлялась, вынуждая Мари разрываться между наплывом посетителей и своими строгими критериями по выпечке. Наконец, звякнул колокольчик, и с сорокаминутным опозданием в булочную вошла художница. Вид у нее был понурый. Обычно влетающая, словно маленький вихрь, улыбающаяся всем присутствующим, сегодня она лишь вежливо поздоровалась и двинулась на кухню. Быстро оценив ситуацию, Мари поняла, что при таком состоянии Жаннет, выпечка вряд ли найдет в ней безопасное соседство, поэтому, отпустив покупателя, которого в данный момент обслуживала, извинилась перед еще двумя, ожидавшими своей очереди и, сославшись на печь, метнулась в кухню. Впрочем, в своем оправдании Мари не кривила душой, круассаны и впрямь пора было изымать. Подбавив огня, девушка погрузила следующий противень в печь.

– Жаннет, что стряслось?

– Все пропало... – жалобно произнесла девушка, ковыряя ложкой уже готовую начинку для пирожков.

– Что такое? Картина не получается? – Мари аккуратно вытащила миску из рук подруги, – у меня там очередь, тут круассаны... Ладно, скоро приду, – бросив оценивающий взгляд на ближайšie к подруге предметы, Мари скрылась за дверью.

Вскоре она снова появилась на кухне.

– Давай-ка переодевайся и рассказывай, – Мари кинула фартук художнице, все так же восседавшей на табурете.

Та неспешно поднялась.

– Я хотела сделать Анри обед и отнести его на почту...

– Анри или обед? – Мари попыталась рассмешить подругу, принимаясь переключивать круассаны.

Жаннет лишь покачала головой:

– Это катастрофа какая-то!

– Не преувеличивай, – Мари быстро раскатала тесто и стала нарезать его аккуратными ромбиками, – у меня еще два подноса пирожков и все. Тебе не нужно ничего делать на кухне – вот! Ты сегодня будешь только у прилавка. Хорошо?

Жаннет кивнула.

– Ну что такое? Сгорело, пригорело, разбилось? Взорвалось, быть может? – девушка улыбнулась подруге, – У всех бывают криворукие дни. Не помню, чтобы раньше тебя беспокоило подобное.

– Раньше, – Жаннет еще раз вздохнула, – раньше были картины на первом месте, а теперь у меня есть еще – Анри.

– Разве это плохо? Мне казалось, что семья... – но тут Мари замерла, осознав, что не может подобрать правильных слов, – что я хотела сказать: Анри – не тот человек, который станет осуждать тебя.

– Анри, может, и не станет, – и Жаннет вышла навстречу звякнувшему колокольчику.

Мари на мгновение замерла с миской в руках, потом принялась раскладывать начинку по ромбикам теста.

«Семья...» – Мари знала, что далеко не всегда это слово влекло за собой простую историю, по крайней мере, не в ее случае, и не для Жаннет. Все трое скитальцев, которых в свое время жизнь свела под крышей старого маяка, несли за спиной мешок непростых воспоминаний. Быть может, в том числе это и объединило и сблизило их. Потому Мари могла понять волнения подруги по поводу вступления в новую жизнь, сама-то она туда не слишком торопилась.

Когда девушка вынесла к прилавку круассаны, посетителей уже не было, только Жаннет с отсутствующим видом раскладывала монеты по достоинству.

– Хватит, – Мари опустила поднос на прилавок, – ну что ты киснешь? На, съешь круассанчик.

– Да ну, Мари, в самом деле, – художница отодвинула от себя поднос, – потом ты предложишь выпить горячего чая – как будто это лучшее решение всех проблем.

– Нет, конечно, это не само решение, но важная его часть, – Мари улыбнулась, посмотрев куда-то далеко за пространство булочной, – моя бабушка так делала. Когда кто-то переживал или ссорился, она сажала их пить чай. Постепенно люди успокаивались и начинали приходить к адекватным решениям вместо поспешных, навеянных переполнявшими их эмоциями.

– Когда *меня* переполняют эмоции – я пишу картины. Это состояние для меня важно, – Жаннет потянулась к подносу.

– Так и пиши! Изобрази на полотне ощущение сбежавшей каши или подгоревшего хлеба! – улыбнулась Мари подруге.

– Смеешься, – покачала цветными перышками Жаннет. После свадьбы она снова стала красить часть прядей в разные цвета, убедившись, что экстравагантность ее облика никого в доме мужа не смущала. – А сама несешься к печи в середине любого разговора, ни секундой раньше, ни секундой позже!

Мари слегка дернула плечами:

– Я могу помочь тебе с кулинарией, но ведь ты и так все прекрасно умеешь. Дело не в этом.

– Да, – кивнула Жаннет, – время... оно течет как-то по-разному для тебя и для меня. Я словно не в ладу с его потоком, постоянно гребу против течения, а ты четко видишь каждый камень, каждый порог...

Мари на мгновение отвела глаза, будто поток, о котором говорила Жаннет, подхватил ее и понес вспять.

– Нельзя увидеть каждый порог... Иногда эта река обрушивается и уносит в водовороте, когда тебе казалось, что впереди она такая спокойная еще на многие мили... Но да, я ощущаю некую гармонию со временем, – девушка потянула носом аромат, доносившийся из кухни, потом качнула головой, – нет, еще рановато...

Жаннет возвела глаза к потолку и откусила круассан, из которого по краям сразу проступило кружево шоколада:

– Мм... – протянула она, вытирая рукой губы, – это другой?

– Да, я сменила поставщика какао.

– Серьезно? Так ты за этим на прошлой неделе ездила в Порт?

Мари кивнула:

– Лучше, согласишься? Хочу поэкспериментировать с новыми рецептами с использованием этого шоколада, надеюсь успеть к Празднику Начала Лета.

Жаннет увлеченно доедала круассан, казалось, вспышка ее огорчения улеглась так же стихийно, как и возникла.

– Мы так хорошо показали себя на осеннем празднике, что нам, похоже, собираются доверить и этот.

В ответ Жаннет посмотрела на подругу с таким видом, что если бы у нее не был занят рот, то прозвучало бы «и ты молчала?».

– Но это еще не точно, – поспешила опередить эту фразу Мари, – никто ко мне пока официально не обращался. Но. Я хочу подготовиться, – и она с заговорщическим видом подняла бровь.

За спиной Томми раздался радостный лай, и почти сразу на плечи мальчика опустились лохматые лапы, осыпав рубашку комками мокрого песка. Большой черный пес повалил своего человеческого друга в песок и торжествующе высунул язык.

– Ах, хулиган! Да стой же ты! – семена галошами по песку, спешила к ним хозяйка непослушного зверя. – Томми, это ты, а я уж испугалась... – мадам Кюрю пыталась отдышаться, одной рукой поправляя съехавший платок.

Мальчик к этому времени взял реванш и валял в песке пса к вящему восторгу последнего.

– Мадам Кюрю, доброе утро! Как Ваше здоровье? – отвлекся на мгновение Томми.

– О, сегодня уже гораздо лучше, спасибо! – лицо старушки сразу же осветила улыбка, – Скоро должна приехать моя дорогая Викки! Доктор прописал ей морской воздух и прогулки на природе, она ведь... Как бы это поделекатнее... – мадам Кюрю перебирала в голове слова, – на сносях...

– Где она? – Томми поднял удивленный взгляд на говорившую, резко перестав трепать за ухом пса. Тот тоже глянул на хозяйку.

– Я хотела сказать... в положении... – замаялась та.

– В трудном? – хитро посмотрел на старушку Томми.

– Не в простом, само собой... Ой! – махнула на него рукой мадам Кюрю, – что ты меня путаешь? Как с вами, мальчиками, сложно. Беременна она.

– Пуф! Так бы и говорили! Про это, положим, всем еще с Рождества известно! А то снося какие-то...

– Томми, – несердито покачала головой мадам Кюрю и, вдруг что-то вспомнив, рассеяно посмотрела на него, – да, а разве ты не должен быть сейчас в школе?

– Ой! – Томми обернулся и прищурился на солнце, высоко уже маячившее над линией горизонта, после чего сразу вскочил, спешно принимаясь убирать инструменты. – Хорошего дня, мадам Кюрю! – прокричал он, схватив портфель и устремляясь бегом вдоль берега, – хороших сносей Вашей дочери!

– Ох, эти мальчики... – покачала головой старушка и тут же воскликнула: – Ой! А ты куда? Безобразник! Стой немедленно!

Черный пес припустил по песку вслед за Томми, приняв его побег за новую игру.

– Ну, разбойник! – всплеснула руками мадам Кюрю.

Одарив осуждающим взглядом приземлившегося с ней за одну парту мальчишку, Элис демонстративно отвернулась к доске. Томми захотелось скорчить ей в ответ какую-нибудь

рожицу, но он посмотрел на мистера Вилькинса и передумал. Тот ничего не сказал мальчику по поводу его опоздания, однако в конце урока, когда Томми проходил мимо, попросил зайти к нему в кабинет после уроков. От такого приглашения сбежать было нельзя, Томми это хорошо понимал. Элис же продолжала дуться, что повышению настроения не способствовало. Да еще на перемене подошел Сэм и сказал, что сегодня на верфь прийти не сможет – нужно помочь родителям. Томми перевел вопросительный взгляд на Элис.

– У меня танцы сегодня, ты же знаешь, – ответила она, – а у тебя разговор с мистером Вилькинсом, – Элис тоже слышала слова учителя, покидая класс, – и, честно говоря, я бы посоветовала тебе потом сесть за уроки. Но да ведь ты все равно ничьих советов не слушаешь!

«Теперь еще и она будет нотации читать!» – сердито подумал мальчик, но вслух сказал:

– Элис, ты же сама знаешь, как это важно для меня...

– Знаю, – ответила девочка чуть мягче, – но «Фрегат» никуда не денется, а учиться тоже важно. К тому же лето скоро. Ну и потом... – она слегка понизила голос, – ты же сам знаешь, это только подготовка, и мы не можем уйти на нем далеко, тем более, сейчас. Ты сам говорил, – последнее она произнесла практически с надеждой.

– Говорил, – протянул мальчик.

К обеденному времени Томми подошел к дверям географического кабинета, помялся немного, тяжело вздохнул и постучал.

Мистер Вилькинс сидел за учительским столом, закинув ногу на ногу в гладко выглаженных брюках. Проницательные зеленые глаза спокойно смотрели на мальчика, в них не было недовольства или осуждения, с которым обычно другие учителя готовились отчитывать нерадивых учеников. Он пригласил Томми садиться, предпочитая общаться с мальчиком на равных.

– Я так понимаю, тебе сегодня с утра не удалось застать Мари, – уточнил учитель.

– Скорее это ей не удалось застать меня, – сознался Томми.

– Может, так и лучше, – мистер Вилькинс сложил ладони перед собой, – Томми, тебе хорошо известно, что я считаю тебя неглупым молодым человеком, ты много читаешь, это так. Однако есть опасность в одностороннем образовании. Как минимум начальные знания должны охватывать широкий спектр предметов. Понимаешь, о чем я? – мальчик кивнул, и мистер Вилькинс продолжал, – к тому же речь идет об ответственности. Тебе необходимо окончить школу, чтобы двигаться дальше по жизни. Я вижу твоё отношение к моему предмету и ко мне лично, но, честно говоря, меня огорчает твоё пренебрежение другими, и мне неприятно за коллег.

Он замолчал, давая мальчику осознать и впитать услышанное. Томми тоже молчал, рассматривая дощатый пол под ногами. Доски волшебным образом начинали менять свою форму прямо перед его глазами, постепенно превращаясь в обшивку корабля. Мальчик моргнул. Он чувствовал себя неловко, эти слова почему-то звучали особенно болезненно именно в устах мистера Вилькинса. Возможно, потому что тот говорил их мальчику как равному, не квохтал, как некоторые учителя, не отчитывал... Даже Мари говорила бы с ним немного сверху вниз. Однако мистер Вилькинс, будучи гораздо старше и выше по статусу, общался с ним просто и спокойно, и оттого Томми было еще грустнее. Ведь он понимал, что вряд ли последует совету учителя. Если бы он и присутствовал на всех классах, мысли его были бы все равно в ином месте. Даже сейчас разум его то и дело возвращался к обрастающему плотью корабельному скелету на берегу. Когда Томми увлекался чем-то, ему было очень сложно заставить себя уделять время иным вещам.

Нужно было как-то объяснить это мистеру Вилькинсу, но Томми не знал, как подобрать правильные слова. Он глянул на учителя и снова опустил взгляд.

Преподаватель наблюдал за мальчиком. Он видел внутреннюю борьбу, но не понимал пока ее истинных причин.

– Томми, если тебя что-то беспокоит, ты можешь сказать мне. Хорошо? Не обязательно сейчас. Просто знай, что я тебя выслушаю.

– Хорошо, мистер Вилькинс, – Томми поднялся. – Я знаю.

– Ладно, – учитель тоже встал, – будем считать, что наш разговор состоялся. Выводы из него ты сделаешь сам и примешь решение.

Прикрыв за собой дверь кабинета, Томми поспешил покинуть здание школы. Берег в шелке свежей травы ласково освещало солнце. Мальчику захотелось броситься бегом к пляжу, скинуть всю одежду и с головой окунуться в морскую воду. Но тепло воздуха было обманчиво, прогревая землю лишь днем, ночью же царила весенняя прохлада, а морские просторы, сиявшие в этот момент пронзительной синевой, несли в своей глубине отголоски зимнего холода.

На приступке у школы Томми увидел Элис, склонившуюся над книгой в тонкой обложке, разложенной на коленях. Веселые непослушные завитушки пшеничных волос пробивались около ушей и на шее, как одуванчики из травы. Томми подошел и заглянул через плечо. В отличие от него, Элис выписывала совсем другие журналы, о вымышленных приключениях вымышленных героев, однако наполненные путешествиями и описаниями диковинных уголков света, как и те, что читал Томми.

– Ты же на танцы шла, – убедившись, что Элис его не замечает, дал о себе знать Томми.

– Ой! – девочка подняла голову, явно выдернутая из какого-то иного мира, полного диких невиданных растений и прячущихся в их зарослях индейцев, – ну да, я и иду. Просто... решила вначале тебя дождаться, узнать, как все прошло.

Томми опустил рядом с Элис на приступку.

– А... – махнул он рукой. Но девочка видела, что на самом деле ее друг переживает, – еще Мари дома наверняка что-нибудь скажет... – добавил он, – просто со всех фронтов обложили. Иногда я начинаю думать, может, пора сбежать снова...

– Глупости говоришь! – Элис раздраженно захлопнула книгу и вскочила, – все, я пошла на танцы.

Конечно, мальчик всерьез не имел в виду того, что сказал. Но, наблюдая теперь удаляющуюся спину Элис, подумал: «Ну чего она так обозлилась?» – и тоже зашагал прочь от школы.

У домика на сваях он остановился, вспоминая события прошлого года, когда они с Элис впервые наведались сюда в гости. Томми невольно улыбнулся. «Вот мистер Нордваттер меня бы понял», и с этой мыслью он сунул руку под камень, доставая ключ.

Маленький садик, разбитый за маяком, как любой участок окультуренной земли, нуждался в постоянном уходе. У Мари не всегда доходили до него руки. И в основном он служил источником свежей зелени для стола и небольшим цветником. Однако девушка мечтала выращивать там пряные травы для пекарни, но это требовало большего времени. К тому же не все травы, привычные ей с детства, желали расти в этом климате. Особенное огорчение и регулярную борьбу вызывал розмарин.

В большой соломенной шляпе, удерживаемой на голове широкой сиреневой лентой, Мари, стоя на коленях подле одной из грядок, аккуратно перемещала туда подрощенную заблаговременно рассаду. Семена базилика и других менее прихотливых трав она засыпала сразу в землю, но маленькие проростки розмарина еще долго грелись в лучах весеннего солнца на подоконнике в ее комнате. Жаннет посмеивалась над ежегодным упорством подруги, напоминая ей, что вовсе не накладно покупать эту специю. Но для Мари это было делом принципа – она хотела использовать собственные травы.

Выковыривая лопаткой лунки, девушка поглядывала на склон холма, спускающегося к лесу, и довольно рано заметила приближающуюся к маяку фигуру. Очистив лопатку, Мари

поднялась, сняла перчатки, сложила все в небольшой деревянный ящик и направилась к домику, где хранила инструменты. И поспешила на маяк. Время, как всегда, было рассчитано отлично. Птичка только что залетела, и дверь захлопнулась.

– Томми, мой руки и сразу к столу, – Мари застала мальчишку на лестнице.

– Нравоучения читать будешь? – вздохнул Томми.

– Сначала кормить, – улыбнулась Мари, – ну, давай-давай!

Если бы он не был так голоден, можно было бы закрыться в комнате, сказав, что не будет ужинать, а когда Мари ляжет спать – тихонько проскользнуть на кухню, но он полдня проработал на верфи и не мог сопротивляться приглашению на ужин. За все приходится платить... Хочешь есть – будь любезен слушать лекции о пользе общего образования.

– Тебе Жаннет не рассказывала о своем детстве? – спросила Мари, когда отзвучали ложки и чашки.

– Ну... что-то там про ферму... Корову она доила... – пожал плечами Томми.

– Да, – Мари слегка отодвинула чашку, – их было трое у родителей, два старших брата и она. С маленького возраста все они помогали родителям. Мальчики изредка ходили в сельскую школу, но у них не было много времени на это. Ферма требует постоянного труда от зари и до заката. А девочкам в то время, особенно не из привилегированных семей, вообще учиться особенно-то и не полагалось. Потом Жаннет пыталась поступить в художественное училище, но у нее не было ни базовой подготовки, ни денег, но еще одним серьезным препятствием являлось то, что она была девочкой. И по этой же причине о высшей школе речи не шло. Ей пришлось достигать всего самой, одной, параллельно зарабатывая себе на хлеб. Мне повезло больше, в нашей семье всем девочкам давали домашнее образование. Но в школу я, как ты или Элис, не ходила. Возможно, я и смогла бы попасть в университет, но очень высокой ценой. До сих пор не везде принимают женщин, или косо смотрят на них как в учебных аудиториях, так и в собственной семье. В мое время в университеты прорывались самые первые и самые отчаянные, прокладывая дорогу остальным жаждущим знания женщинам. И мне сейчас тебе не рассказать, чего им это стоило. И как порицало их общество. Ты, – и Мари посмотрела ему прямо в глаза, – имеешь привилегию учиться, пусть не в городской или столичной, а в нашей маленькой школе, но поверь, учителя в ней высокой квалификации. И хотя не все из них получили университетское образование, в первую очередь в силу своего пола, – она сделала небольшую паузу, – им есть чему тебя научить.

Томми молчал, потом поднял глаза, которые опустил в конце ее монолога, и спросил:

– То есть, если бы, например, Элис родилась на несколько лет раньше, она не смогла бы учиться?

– По крайней мере, точно не в одной школе с тобой, – усмехнулась Мари. – Девочек отправляли в пансионаты, если родители могли это позволить, или им нанимали учителей.

– А.. когда мы окончим школу, Элис... сможет пойти учиться дальше?

Мари пожала плечами:

– Возможно.

– А ты? Ты хотела учиться?

Девушка посмотрела в окно и задумчиво произнесла:

– Было время, я хотела стать врачом. Но женщина, да еще и на медицинском факультете... – она усмехнулась, – впрочем, такие уже тогда были. Но моя семья никогда бы не допустила этого.

Томми лежал в постели, устремив взгляд в окно, за которым из легкого тумана облаков выглядывал тонкий серп луны, и раздумывал над словами Мари. Еще никогда он не смотрел на

жизнь под таким необычным для него углом. Он уже несколько лет учился в местной школе, с Элис в одном классе, сидел с ней за одной партой, а Жаннет и Мари, оказывается, в его возрасте не сидели с каким-нибудь мальчишкой за одной партой, более того – вовсе не учились в школе. «Интересно, а Элис знает об этом? Надо будет спросить ее...», – подумал он, натягивая повыше одеяло, когда из окна повеяло прохладным ночным ветром.

Месяц постепенно переползал по небосклону, так что уже только самый кончик его был виден в окне. Мысли Томми неспешно меняли свое направление, и вот уже на границе сна выплыл перед ним большой, светящийся, как и луна, на которую мальчик смотрел, корабль. Сон потянулся вслед за белыми пузатыми парусами, и веки Томми сомкнулись.

Мари убрала все со стола, и присела за вязанье. То и дело взгляд ее отрывался от мельтешения спиц и останавливался на вазе с одуванчиками, но мысли девушки были гораздо дальше, и она не замечала закрывшихся головок цветов. Разговор с Томми и сегодняшние переживания Жаннет всколыхнули в ней сонм казавшихся давно забытыми воспоминаний. Спицы в руках девушки монотонно ходили вверх-вниз, тик-так, словно маятник часов, отматывая назад годы жизни... Она видела себя еще девочкой среди отцовских виноградников, расстилавшиеся в стороне усыпанные лиловыми цветами склоны, сад... Теперь все это принадлежало совсем другим людям, а многих из тех, кого она помнила, уже давно не было в живых...

Отложив вязание, девушка поднялась и, проходя мимо стола, бросила взгляд на вазу, где утром горела желтыми солнышками охапка цветочных головок. Одуванчики уже отошли ко сну. Мари потрогала указательным пальцем закрывшийся зеленый с желтоватым хохолком бутон и тоже отправилась спать.

Глава 2. Письмо по старому адресу

Новый день оказался теплее предыдущего. Теперь стало совершенно ясно, что лето быстрой и легкой поступью несется в направлении маленького городка, налепившего свои домишки, в обрамлении садов и огородов, по склону холма. И в этих садах, и на хозяйских грядках уже копошились в цветах пушистые шмельки. Пробегая мимо, Томми порой с любопытством заглядывал в щель какого-нибудь забора, а то и вовсе, приподнявшись на мысочки, крутил белобрысой головой над краем невысокого ограждения. Казалось, что все вокруг привлекало его внимание, пожалуй, кроме непосредственной цели его пути. Мальчик бросил печальный взгляд на пляж и, пройдя мимо, двинулся по тропинке к школе. В здание он вошел под звуки большого металлического колокольчика, которым при входе размахивал дежурный учитель. Бегом метнувшись в класс, он резво обогнал педагога и теперь не считался опоздавшим. Мадам Гринуар оставалось лишь позавидовать его прыти, ведь она была дамой в возрасте. Преподавательница словесности добродушно покачала седой головой, и бесшумно прикрыла за собой дверь в класс.

За несколько лет, которые Томми учился в этой школе, он успел определить, что учителя делились на два типа – те, кто перед началом летних каникул нагружает еще больше обычного, отчаянно пытаясь впихнуть в головы учеников всю незавершенную программу, и те, кто прекрасно понимает бесполезность подобного перед длинным периодом свободы и ветра в этих самых головах. Мадам Гринуар относилась ко вторым, и поэтому она не стала начинать объяснять новые грамматические и литературные премудрости, а вместо этого предложила ученикам написать сочинение на тему, чем бы они хотели заняться в предстоящие летние месяцы. Вот тут Томми было где развернуться. Он перевел взгляд вперед и некоторое время созерцал пространство перед собой, а потом отчаянно зацарапал металлическим пером по бумаге, делая помарки, перечеркивая и вновь продолжая писать. Сидевшая рядом Элис, сама вычерчивая аккуратные строчки, временами поглядывала на него, поражаясь увлеченности процессом, которую Томми так редко демонстрировал в школе. Творческие задания на свободную тему всегда были хорошим способом для мальчика поднять общую оценку по предмету, но, к сожалению мадам Гринуар, в отношении грамотности он не мог похвастаться тем же. Иногда, закончив писать раньше, Элис бросала украдкой взгляд в его работу и шепотом поправляла несколько сразу замеченных ошибок. Однако, если в этот момент мальчик был погружен в процесс, он лишь отмахивался от подобных пустяков.

«Кто будет обращать внимание на пару не тех завитушек, – говорил он ей как-то, – надо смотреть в суть! А с теми, кто занимается блохоискательством, я все равно дело иметь не собираюсь!» Элис лишь качала головой, продолжая следить за его орфографией. Но с Элис-то он всегда хотел иметь дело, в отличие от орфографии!

В этот прекрасный солнечный день в булочной «На Краю Света» была лишь одна маленькая тучка. Жаннет, сменившая Мари почти вовремя, деловито принялась за дело, сегодня уже не сокрушаясь о своих домашних неудачах. Но по ее виду можно было заключить, что они не завершились.

– Я сожгла суп... – тихо призналась художница подруге, когда та высунула нос из кухни, чтобы все-таки попытаться о состоянии Жаннет.

Мари посмотрела с некоторым подозрением.

– Что сожгла?..

– Ну, суп же! Суп! – всхлипнула та и быстро утерлась краем рукава.

– Ты хочешь сказать, что он выкипел?..

– Да, – она еще раз шмыгнула своим слегка вздернутым носиком, – весь... вместе с кастрюлей. И мой суп, над которым я старалась все утро, стал угольками, насмерть прилипшими к ее дну!

– Но как это возможно? – все еще не верила своим ушам Мари, – может, это было рагу?

– Да нет же! Это была полная кастрюля супа! Ну что ты на меня так смотришь... Я... просто работала над картиной всю ночь, потом поставила суп и решила прилечь ненадолго... Но что сидеть на кухне, если он и сам может вариться? А потом я встала, а на кухне дым и вот... кастрюля вся черная...

Мари утешающе приобняла подругу, стараясь спрятать улыбку в уголках губ.

– Ну, бывает...

– Да? Бывает? У кого, скажи на милость, еще такое бывает, кроме меня?!

На этот вопрос девушка затруднилась ответить и лишь еще раз погладила подругу по плечу.

Закончив раскладывать посылки, Анри решил, что пришло время кофе. Он даже подумал, а не сходить ли ему в булочную, где сейчас дежурила Жаннет, и на правах мужа съесть там пару кусочков какого-нибудь пирога. Недавно Мари завела новую традицию под названием «Пирог дня», и в обеденное время в булочной увеличивался поток покупателей. Разумеется, он не достигал такого пика, как в утренние часы – самые горячие в прямом и переносном смысле для пекарни, – но был весьма ощутим. Обычно в это время на подмогу Мари приходила Жаннет. Пироги дня были как правило сытными, например, с молодым картофелем и козьим сыром, с тушеным шпинатом и орехами, с какими-нибудь корнеплодами в необычном соусе... Но важной составляющей успеха являлась неизвестность – заранее содержание пирога не сообщалось.

Время обеда, правда, давно прошло, и, возможно, подумалось Анри, все пироги уже разобрали, но в пекарне всегда был большой выбор. К тому же обед у Анри сегодня выдался странный. Жаннет забежала на почту, когда работа была в самом разгаре, быстро чмокнула мужа в щеку и, оставив какой-то сверток на столе, унеслась в булочную. Вид у девушки был подозрительно виноватый. И учитывая, что прошлого дня произошло нечто подобное же, Анри призадумался.

Художница никогда не владела мастерством прятать свои эмоции, отражавшиеся на ее личике, как в зеркале. К тому же Анри успел за время их знакомства хорошо изучить будущую супругу. И теперь имел все основания для беспокойства. В свертке он нашел два небольших бутерброда с бужениной и все. Такой обед, впрочем, был вполне привычен для периода его холостяцкой жизни. По утрам он заворачивал его себе сам или это делала мама. Теперь же, будучи женатым мужчиной, он временами, если успевал, уходил обедать домой. В такие дни Жаннет старалась что-то приготовить. Поначалу все шло неплохо, хотя потом и пришлось отказаться от идеи совместных завтраков, однако теперь под угрозой, кажется, стояли и обеды.

Когда Анри уже собирался перевернуть табличку на двери почты и прогуляться до булочной, ему вдруг на глаза попала небольшая стопка неразобранных конвертов, лежавшая на дальнем конце стола. «Как же я их с утра не заметил?» – удивился он и решил не откладывать незавершенное дело. Молодой почтальон внимательно разложил конверты по адресам, отодвинув в сторону лишь один. Задержав на нем взгляд дольше, чем на остальных, и тяжело вздохнув, не пошел в булочную. На конверте значилось:

От: Ксавье Маран

Куда: Маяк, Городок-вниз-по-холму.
Адресатом была Жаннет.

Все трое стояли босиком на песке и разглядывали только что законченный борт лодки.

– Значит, так, – изрек Томми, – тогда Сэм будет тиммерманом²...

– Чего это тиммерманом? – перебил его Сэм спокойным голосом, – если уж ты собираешься быть капитаном, то тогда я – штурман.

– Ну хорошо, – согласился Томми.

– Подождите, – возмутилась Элис, – а я что, должна быть обычным матросом, только на том основании, что я девочка? А ничего, что я все расчеты делала? И если уж на то пошло, то мне больше достает знаний для штурмана. Я из вас лучше всего занимаюсь на уроках мадам Жерни.

– Из того, что ты лучшая на уроках мадам Жерни, еще не следует, что ты должна быть штурманом, – парировал Томми, – можешь быть боцманом, хочешь?

– Ага, то есть теперь я по хозчасти? – голос девочки все еще звучал немного обиженно.

– Ну ты же аккуратная и все такое... – развел руками мальчик.

– Да пусть будет штурманом, – вдруг сказал Сэм, глядя в песок под ногами, и, пожав плечами, добавил, – я согласен на боцмана.

– Ты карты-то читать умеешь? – Томми все еще с сомнением поглядывал на Элис.

– А интересно, – прищурила глаза девочка, – почему ты Сэма об этом не спросил, когда штурмана ему отдавал?

– Мы «Фрегат» в какой цвет-то в итоге красить будем? – прервал их Сэм, и все снова перевели взгляды на лодку.

Сэм был на год старше Томми и Элис, но учился вместе с ними, поскольку родители поздно отдали мальчика в школу, да и классов в ней было не так много, и порой в одном могли заниматься близкие, но не одинаковые по возрасту дети. Мальчик был довольно высок для своих лет, внешностью во многом походил на отца, темноволосый и темноглазый, он так же, как отец, не любил затянувшихся споров, и только если считал что-то действительно важным, стоял на своем. Элис же была младше, да к тому же девочка – значит, ей стоило уступить – так считал Сэм, отдавая ей роль штурмана. Впрочем, она ведь и сама ввязалась в препирательства с Томми, и Сэм никак не мог понять, почему эти двое так часто спорили. Но отчего-то ему было немного грустно, что Элис никогда так не спорит с ним.

Вечером, когда солнце, словно вязкая капля на банке с вареньем, потекло к горизонту, растворяя оттенки розового в сиренево-синей морской воде, ребята уселись на песок, отдыхая, наблюдая перемену небесных красок, отразившихся даже на поверхности влажного песка. Само светило было почти не видно за уступом, на котором возвышался маяк. Сиреневый потихоньку поглощал все яркие горячие цвета, пока сам не начал таять в синеве. Томми и Сэм убрали инструменты, Элис аккуратно сложила все чертежи, заметки и карты в картонную папку, и все это они унесли в домик на сваях.

– Я побежал провожать отца, – Сэм попрощался и устремился быстрыми широкими шагами вдоль пляжа, дальше, за школу, куда приставали рыбацкие лодки.

Элис отряхнула с платья песок:

– Мне тоже пора.

Томми взял свой портфель и связку книг девочки, которые она носила перетянутыми ремнем, и ребята двинулись в сторону улиц.

² Тиммерман – старший корабельный плотник.

– Ты знаешь, Томми, – заговорила Элис, когда они поднялись с пляжа и шли между пробуждающихся мягким светом окон и окруженных низенькими заборчиками участков, утопающих в свежей зелени кустов и деревьев, – сегодня я подумала, что мы уже давно не встречали закат на маяке. Помнишь, прошлой весной, мы почти каждый вечер сидели там, а потом бегом неслись с холма, чтобы я успела вернуться до темноты домой? – Элис улыбнулась этим воспоминаниям.

Томми тоже улыбнулся, но потом опустил взгляд, наблюдая, как мелькают по дорожке его старые ботинки, все еще хранящие следы песка, а рядом тоже не очень новые, но поддерживаемые в хорошем состоянии ботинки Элис.

– Мы обязательно будем снова ходить на маяк, – сказал девочке Томми, – я просто хочу... Эта лодка, – он редко так адресовал к своему «Фрегату», но ведь он и сам понимал, что они строили пока лишь парусную лодку, – мне важно ее закончить. Скоро совсем потеплеет, и мы спустим ее на воду. Представляешь, как будет здорово обогнуть наш маяк по морю? Может быть, даже дальше, к гроту капитана Орлоба...

– Я надеюсь, ты не планируешь туда заходить. Помнишь, какие там приливы?

– Да, конечно. Но это будет замечательно, наконец, самому встать под парус... – мальчик смотрел вперед, где узкая улочка огибала участки и домики, но видел словно что-то иное.

Элис посмотрела на него и опустила взгляд. Они приближались к ее дому. Томми оторвался от своих мыслей:

– Элис, ты же тоже хочешь ходить на корабле? Ведь так?

– Конечно, – кивнула она, – до завтра, Томми!

Она забрала книги и, скользнув за калитку, пошла к дому. У самой двери Элис обернулась и махнула Томми, который все еще стоял в задумчивости у забора. Он махнул в ответ и пошел в сторону леса, к маяку. Качая портфелем, мальчик неспешно поднялся по улице, обогнул булочную и вошел под сень деревьев. Вечерние птицы затеяли свои перепевы, возвещая о том, что весна в полном разгаре, откуда-то из глубины леса доносилось одинокое поухивание.

«Кто разберет этих девчонок?» – размышлял Томми. Зимой казалось, что вот теперь-то ему стало все понятно, в особенности его собственные чувства. Они с Элис оба мечтали о приключениях, дальних путешествиях. Когда он протянул Анри дрожащей рукой письмо для своих родителей, которым, как он раньше думал, ему никогда не суждено будет писать, Элис была рядом. Она поддерживала его. А потом холодной промозглой весной, когда снег перестает быть пушистым, а становится жестким и ноздреватым, и осадки в нерешительности сыплют то проливным дождем, то смерзшимися снежинками, они сидели у камина на маяке, обсуждая корабли, листая старые книги. Однажды в школе Сэм Фьюшкинс услышал, что ребята хотят строить лодку, и попросил взять его в команду. Будучи сыном рыбака, он часто помогал отцу и лучше других ребят знал море, потому такое пополнение было кстати, да и со времени эпидемии ребята сблизились. Теперь они втроем работали над лодкой. И вроде все было по-прежнему между Томми и Элис. Она казалась мальчику такой же полной энтузиазма, как и он, даже помогала стругать доски, вбивать гвозди, шкурить борта – Томми в такие моменты еще больше восхищался девочкой. Сэм же то и дело пытался забрать у нее то, что считал физически трудной работой. Никогда не давал ей поднимать ничего тяжелого, хоть бы она и сама за это хваталась. Томми же, увлеченный делом, не всегда даже обращал на такое внимание. Мальчик очень хорошо относился к сыну рыбака, но порой ловил себя на тревожной мысли, что радуется, когда по каким-то причинам Сэм не мог прийти или раньше уходил с верфи, а Томми и Элис оставались работать вдвоем. Он злился на себя за это чувство, и ему почему-то было стыдно перед Сэмом. И вот теперь Элис заговорила о маяке, и в ее голосе словно слышалась... досада? Томми не мог понять. Разве корабль не был их общей мечтой? Его и Элис? Или она теперь вкупе с Мари и мистером Вилькинсом тоже начнет читать ему нотации?

Томми отворил дверь и отправился сразу к себе, кинул портфель на пол и, не переодеваясь, растянулся на кровати, вытащив из-под подушки книгу. Через некоторое время в дверь постучали.

– Томми, ты ужинать пойдешь? – раздался голос Мари.

– Угу, сейчас, – угрюмо ответил мальчик и снова погрузился в чтение. Это было жизнеописание одного капитана, путешественника и пирата, одновременно находившегося, как ни странно, на государственной службе. На лестнице послышался звук удаляющихся шагов. Томми еще немного полежал так, потом отложил книгу, встал, осыпав песком кровать и небольшой коврик подле нее, и стал переодеваться.

– Ты все дуешься из-за школы? – спросила его Мари за ужином, – ты же помнишь – у нас с тобой давняя договоренность.

– Мари, я знаю, что ты думаешь, – Томми отложил вилку и уставился на девушку, – но вот смотри, ведь ты же все равно время от времени лечишь людей, ты понимаешь в травах лучше, чем доктор Спрат и его дочь вместе взятые, – на эти слова мальчика Мари покачала головой, но он продолжил свою мысль, – хотя доктор получил медицинское образование. Значит, желание человека важнее, его страсть к чему-то? Почему я должен меньше времени уделять тому, что для меня действительно важно, ради того, в чем не вижу смысла?

– Пока. Пока не видишь смысла, – поправила его Мари, – Томми, тебя же никто не призывает бросить свое важное дело, а просто уделять внимание и другому. Твой друг Сэм, он же еще помогает отцу, помимо школы и вашего увлечения, Элис занимается танцами. Они находят время для всего. У меня булочная, дом, огород, и верно, я нахожу время на сбор и заготовку трав. Человек может совмещать множество интересов и дел, особенно, когда ему помогают. Я очень люблю нашу булочную, но я бы не справилась там, если бы Жаннет и ты мне не помогали. У тебя же есть Элис и Сэм, вы ведь работаете над лодкой вместе. А кстати, ты же не забросишь свои воскресные смены?

– Нет, Мари, что ты! Мне нравится помогать вам в булочной.

– Вот видишь, значит, ты можешь находить время для разных интересов, – улыбнулась Мари. А Томми снова подумал про разговор с Элис о маяке. Может, она тоже думала, что они проводят слишком много времени на верфи?

Вечером, вернувшись с почты, Анри обнаружил, что дом был пуст. Жаннет еще не пришла из булочной, а мать ушла в гости к соседке. Молодой мужчина отправился на кухню, в надежде, что одна из хозяек дома приготовила ужин, покидая жилище. И в этом он почти не ошибся. На плите покоилась большая кастрюля с абсолютно черным, пригоревшим ко дну и стенкам содержимым. Открытая пачка муки стояла на столе в обрамлении картинно лежавших вокруг овощных обрезков, и возможно, будь молодой мужчина художником, он смог бы оценить этот замысловатый натюрморт, но Анри был обычным почтальоном, голодным и усталым после трудового дня.

Вздыхнув, он налил себе стакан молока, поставил на плиту чайник и пошел в спальню. За окном сгустились сумерки, и в глубине, за свежей листвой сада, уже зажгли фонарь. Их было всего несколько на Городок, но мэр очень гордился этим нововведением, уже давно озарившим улицы более крупных городов. Пожилые жительницы охали, возмущаясь – кому нужно шататься по улицам ночью? А фонари мешают спать, хотя дома большинства жителей скрывались в пышных кронах плодовых деревьев. Анри же нравилось, что напротив их дома горел фонарь. Его тускло-оранжевый свет словно звал издали тех, кто припозднился к домашнему очагу. Но сегодня, в отличие от большинства дней, это был не Анри.

Почтальон достал из внутреннего кармана форменного пиджака письмо и аккуратно положил на кровать, с той стороны, где спала Жаннет. Некоторое время он с грустью смотрел на конверт, словно пытаясь устыдить бежевый кусочек бумаги. Однако конверт оказался бесстрастен ко взгляду голубых глаз молодого почтальона и лишь лежал на покрывале и тарасился в потолок тонко выведенными буквами: «*Ксавье Маран*».

Из раздумий Анри выдернул звук входной двери и последовавший сразу за этим свист чайника. Быстрые шаги простучали в сторону кухни. Анри прошел следом. Жаннет спешно снимала чайник с огня и чуть не уронила его, увидев на пороге мужа.

– Ты уже дома! – воскликнула она немного растерянно, взметалась взглядом по кухне и дернула на мгновение брови домиком.

– А кто же, ты думала, поставил чайник? – спокойно спросил Анри в ответ.

– Ой, я уже и сама не знаю... Испугалась, что это я забыла... – она всплеснула руками, – можешь ничего не говорить! Это катастрофа! Я еще и чашку из маминого сервиза разбила...

– Ладно, – Анри принялся заваривать чай.

Его спокойствие еще больше распылило Жаннет, она бы предпочла, чтобы он поругал ее или, наоборот, подбодрил, но он молча заваривал чай. Жаннет взяла кастрюлю, потом снова поставила ее, принявшись убирать стол, замерла на середине, хотела пойти в погреб достать что-то, но ее голова была заполнена роем жужжащих мыслей, и каждая из них норовила вонзиться в нее свое жало. На пороге ее остановил голос Анри:

– Твоя почта все еще приходит на адрес маяка, я принес ее сюда.

– Спасибо, – Жаннет скрылась за дверью.

Анри отложил ложку и опустился за деревянный кухонный стол, сложив на него руки и погрузив на них голову. Он ждал. Потом поднялся и вошел в спальню. Письма на кровати не было.

– Что с тобой происходит, Жаннет? Почему ты не говоришь со мной об этом? – спросил он, стоя в дверях.

Девушка подняла глаза, в них стояли слезы. Она сидела на кровати, подтянув одну ногу к себе и свесив другую, что было возможно в силу ее наряда.

– Что я сделал не так? – вырвалось у него.

– Ты? – удивленно расширила темные блестящие глаза Жаннет, – да ведь это я... – она слегка шмыгнула носом, – все... все делаю не так! Я ужасная хозяйка! Я ужасная жена! – воскликнула она, подаваясь вперед на кровати, – тебе нужна хорошая жена, которая... – она уже говорила в нос, – которая будет тебе варить с утра кофе, приносить полноценный обед на работу, а не... не сжигать кастрюли в доме и бить сервизы твоей мамы!.. С которой тебе не стыдно будет показаться, а не та, что ходит, как рабочий, в комбинезоне, подстриженная под мальчика-подростка!.. Которая... – слезы уже несдерживаемой рекой лились по ее щекам, – а я... я...

Анри шагнул к ней, опустился на колени подле кровати и взял ее мокрые ладошки в свои теплые мягкие руки. Он просто не мог видеть ее слез. Письмо было мгновенно забыто, тем более поджаренная кастрюля.

– Мне нужна *моя* Жаннет, – сказал он мягко, – не важно, в комбинезоне или в платье в горошек, подстриженная под мальчика или с локонами. Моя Жаннет, которая бегает по склонам с мольбертом, пытаясь поймать... как же ты это говоришь... – он смущенно улыбнулся, – ускользающий свет... не знаю, у тебя даже говорить о живописи получается поэтично, – не отрывая взгляда от глаз жены, Анри продолжал, – Мне нужна ты, а не кто-то, кто по твоим представлениям мне подходит. – На мгновение он замолчал, вглядываясь в ее глаза. Жаннет тоже молчала, но уже не плакала. – Ну, а хозяйство, что же... Я не вижу больших сложностей сейчас, если честно. С кем не бывает. И ты всегда можешь обратиться за советом и помощью

к маме. Поверь, она будет только рада! Это не чей-то дом, куда ты пришла. Это твой дом, понимаешь?

Жаннет осторожно высвободила одну ладошку и, размазав ею по лицу слезы, улыбнулась краешками губ. Анри поднялся и обнял ее, а Жаннет уткнулась носом в его плечо.

– Анри, – вдруг тихо сказала она, – а почему ты никогда не спрашивал меня о письмах?..

Он слегка отстранился, прекрасно понимая, о чем идет речь. Раньше раз в несколько месяцев он приносил на маяк письма для девушки с одним и тем же отправителем на конверте. Тогда он не был вправе задавать вопросы, потом полгода ничего не приходило, и Анри решил, что переписка прекратилась, и не стал поднимать вопрос, да и не считал это корректным. Но теперь, когда письмо от незнакомого мужчины пришло уже после их свадьбы, он не знал что и думать, теряясь в пугавших его догадках.

– Я считал, что ты сама расскажешь, когда сочтешь нужным, – тихо проговорил он, не глядя на Жаннет.

– Ты всегда мог спросить, Анри, даже тогда, когда я еще не была твоей женой. Ксавье Маран – мой брат.

Анри посмотрел на нее, все еще с сомнением и горечью:

– Но ведь ты в девичестве – не Маран.

– Ксавье – мой сводный младший брат, – произнесла Жаннет и поднялась, – у нас разные отцы.

Она прошла по комнатке из стороны в сторону.

– Ах, Анри, но почему ты никогда меня ни о чем не спрашивал?

Почтальон недоумевая смотрел на свою жену. И хотя слезы на ее щеках высохли, он опасался, что они были готовы хлынуть вновь. Анри был очень утомлен работой и переживаниями, поднявшись, он подошел к Жаннет и попросил ее рассказать ему все, что она сочтет нужным, но хотя бы за чаем. Его молодая жена улыбнулась и, быстро обняв мужа, поспешила на кухню. Почему-то теперь кастрюли и чашки больше не норовили выпрыгивать из ее рук, и Жаннет накрыла на стол небольшой ужин из того, что оставалось с прошлого дня, налила чай и добавила туда молока и сахара, как любил Анри.

Полная летних запахов ночь медленно затянула в свои объятия Городок. Часть окон уже потухла, и только слегка неестественный свет редких фонарей мерцал в шелесте листвы плодовых деревьев. Бутоны одних растений уже сонно сомкнули нежные лепестки, готовясь следующим утром снова благоухать на всю округу, другие садовые цветы, наоборот, разомкнули венчики навстречу ночным насекомым, заполняя воздух тонким нездешним ароматом. В маленьком домике, ярким пятном желтой краски, просвечивающим через заросли сада, горело лишь одно окно. Мать Анри уже вернулась, но, не желая мешать беседе сына с его женой, тихонько прошла в свою комнату. И хотя она казалась часто немного витающей в облаках и интересующейся больше своими клумбами, чем жизнью в доме, старушка прекрасно понимала, что в нем происходит. Потому, догадавшись больше по доверительному тону голосов, нежели по долетевшим словам, о направлении беседы, тихонько порадовалась. Уж ей ли, прожившей более двадцати лет в браке и потерявшей своего все еще горячо любимого мужа, было не знать, как важны для семейного счастья эти длинные ночные разговоры.

Когда все приготовления были завершены, и желудок почтальона на мгновение приглушил свою песню, задобренный первыми глотками теплого напитка, Жаннет начала свою историю.

Анри было известно, что супруга его родилась в семье фермеров, далеко от этих мест, но подробностей ее взросления он не знал.

– У меня было два старших брата, к тому времени как я достигла шестилетнего возраста, они уже начинали помогать отцу по хозяйству. Но как раз в это время скончался наш отец. Мать некоторое время тянула все хозяйство без особой помощи от семьи отца, а потом, не

выдержав, продала ферму и переехала с нами в город. Братья отправились работать на фабрику, а мы поселились в маленькой комнатухе среди смога и гари. Может, город был не так и велик, но в то время казался мне чудовищным. Я привыкла свободно бегать по зеленым просторам рядом с нашей фермой, а тут... была раздавлена этими стенами и мраком... Мать нанялась прачкой. Я помогала ей по хозяйству. И тогда появился он. Мамин будущий муж. Меня почти сразу отправили в интернат. Знаешь, такие, куда сплавляют детей за сущие медяки... Поначалу я думала, что не выдержу там. Единственное, что спасало меня – это рисование. Еще на ферме дедушка, когда был жив, учил меня. Конечно, что в том возрасте мог перенять ребенок, но все же именно с него начался мой путь в живописи. Поначалу я рисовала углем на обрывках оберточной бумаги. Через два года я сбежала из «пансиона». А вернувшись домой, обнаружила мать с младенцем на руках, в доме для меня больше не было места. Тогда-то я и поняла, что девочке в этом мире не выжить. Я обрезала волосы, нашла штаны и рубашку и вышла на городские улицы в поисках работы. Не знаю, каким чудом в том месте, куда меня отправила мать, я смогла почерпнуть основы грамотности, но это дало мне возможность свободно разбирать газетные заголовки. Я стала тем мальчиком, что на улицах города выкрикивает названия самых скандальных новостей, размахивая свежей прессой и получая монету за каждую проданную газету. Ночевала я где придется, иногда навевываясь к матери, та тайком от мужа кормила меня и провожала. Иногда я помогала ей с маленьким Ксавье. Маран – это фамилия того самого человека, который отнял у меня дом. Но я не могла ненавидеть своего, пусть и сводного, брата за грехи его отца.

Анри так и не приступил к еде. Эта история столь потрясла его, что он просто сидел, молча глядя на жену, видя теперь эту обычно веселую, часто немного несуразную, девушку теперь совсем иными глазами.

Ее картины – что они несли под цветными мазками кисти? Холмы у маяка, бликами разбросанные цветы, глубокие морские воды... Только пейзажи. Жаннет отчего-то не писала людей, если только парой мазков. Но пейзажи эти казались словно из иного мира, они то таяли, то возникали, то пестрели отголосками солнечных пятен, не имея точных контуров, но при этом невероятно отражая эмоцию от увиденного.

– Я хотела учиться, – продолжила она после некоторого молчания, – но куда могла пойти я, без денег, без звания, к тому же неподходящего пола... В школу изящных искусств только через несколько лет стали брать женщин. Я была даже готова подделывать документы, до последнего скрывая, кто я, но у меня все равно не было денег. Я училась сама. Однажды мне удалось устроиться в книжную лавку и даже получить там же крышу над головой, в каморке при магазинчике. Там мне впервые попались в руки книги с иллюстрациями, а также художественные альбомы, – на лице Жаннет появилась отстраненная улыбка воспоминаний, – пока никто не видел, по ночам, я пыталась копировать гравюры, литографии, наклейки. Однажды у нас совсем не было посетителей, и я рискнула заняться этим днем. Так меня и застал один пожилой мужчина. Я очень испугалась, что он выдаст меня хозяину, но необычный посетитель лишь взял из моих рук рисунок и, внимательно посмотрев его, пригласил зайти к нему в студию, притом обратившись ко мне «юная леди». А ведь тогда я все еще представала перед миром «мальчиком». Так было безопаснее жить. И хотя теперь в этом облике уже нет нужды, мне все равно так нравится больше. А тот пожилой господин стал моим вторым учителем после деда, – Жаннет ненадолго замолчала, вспоминая что-то с легкой улыбкой, потом улыбка снова пропала. – К сожалению, ему было суждено не очень долго учить меня. После его смерти я решила покинуть город, отправиться путешествовать, по пути занимаясь изобразительным искусством и одновременно зарабатывая им как ремеслом. Ремесленной частью стали портреты. Прямо на улицах я подходила к прохожим и за небольшую монету тут же делала их портрет в карандаше. Далеко не каждый может позволить себе настоящую картину со своим изображением, а потешить самолюбие хочется многим. Однако перед тем как покинуть ненавидимый мною город,

я последний раз поднялась в ту маленькую комнатушку, чтобы узнать, что теперь я осталась окончательно сиротой. Ксавье было тогда примерно как сейчас Томми. Он ушел со мной и вскоре в одном портовом городе устроился юнгой на корабль. Прощаясь, Ксавье просил писать ему, где бы я ни оказалась, обещая сообщать о каждой смене позиции или корабля. Иногда нам удавалось обменяться письмами не более двух раз в год, но, несмотря на наши скитания, мы не потеряли связи друг с другом. Я не говорила о брате, поскольку не готова была рассказать всю историю. И потом, он почти все время в море. Даже на свадьбу не смог бы приехать, да я и не знала, куда ему писать тогда. Отправляла «до востребования». Он был в дальнем плавании последние несколько лет, и не всегда имел возможность отправить письмо. Но в последнем, – она улыбнулась, – он пишет, что скоро возвращается на родину...

– Прости меня, Жаннет, – Анри нежно глядел на жену.

– За что? Ты ведь не знал. А я не говорила.

– Да, я не спрашивал, а ты не говорила... Но мы ведь постараемся больше не совершать таких ошибок? – он подошел к Жаннет и мягко взял ее за плечи.

Она кивнула, одновременно улыбаясь и пытаясь спрятать подступающие слезы, и обняла мужа.

Поздно ночью, когда все в округе уже давно спали, Томми вдруг встал с постели, накинул куртку и вышел на лестницу. Мальчик тихонько поднялся по металлическим ступеням, стараясь не шуметь, чтобы не разбудить Мари. Взобравшись на верхнюю площадку маяка, он глубоко вдохнул ночную предлетнюю свежесть и оперся всем телом на перила.

Внизу монотонно шумели черные волны, одним большим полотном уходящие до горизонта. Ночь была ясной, и светящиеся небесные причудливые существа мерцали и покачивались, медленно сползая к границе воды. Напившись вдоволь соленой влаги, они растекались по небесному куполу, махая изогнутыми хвостами, нашептывая тем, кто мог их слышать, странные истории о своих братьях, живущих за этой черной водой, о других небесах, освещенных сиянием большого креста, где горы заснеженными пиками чешут небесное брюхо, где гигантские голубые глыбы льда, обламываясь, погружаются в воду, словно рыбачьи поплавки, где в зарослях густых диковинных лесов летают пестрые птицы с большими клювами и порхают совсем крошечные, словно бабочки, опыляя цветы, и обитают даже вовсе нелетающие птицы.

Томми стоял, устремив взгляд в бархат черного неба, внимая этим историям. Тем, что уже давно звучали в его голове, тем, чьи голоса стали ярче и четче, когда ладони мальчика впервые коснулись пожелтевших страниц письма его родителей.

Глава 3. Небо сереет

Стояла тяжелая душная жара. Казалось, море выдыхало в воздух тонкие струйки облаков, пеленой утягиваемых к горизонту. Молодая трава и листва тоже испаряли влагу и стрекотали жесткими крылышками многообразных насекомых. «Еще даже не лето...», – вздыхали пожилые жительницы Городка-вниз-по-холму, утирая платочками лбы под чепцами.

Томми ходил взад-вперед подле лодки и принюхивался.

– А по-моему, все высохло, – сказал он Сэму, на что тот неопределенно поднял брови и плечи.

Элис не обращала на мальчишек внимания и готовила уроки, сидя на песке.

– Что вы спорите, – не отрываясь от учебника, наконец, спросила она, – мы все равно еще парус не закончили.

– Точно, – кивнул Томми, – Мари мне сегодня разрешила воспользоваться ее швейной машинкой. Предлагаю забрать у Элис раскроенную парусину и всем вместе доделать парус на маяке!

– Доделать?! – встряхнула светлыми косами девочка, – а отверстия обшивать, а углы укреплять? Да это мы тогда несколько дней кряду у тебя там просидим!

– Я не против, – пожал плечами Томми и достал из корзинки яблоко.

Сэм только по-доброму усмехнулся, а Элис стрельнула взглядом в Томми и снова уткнулась в книгу.

– Ладно, можно и правда сегодня начать шить парус, – сказал Сэм, тоже доставая яблоко, – у меня вечер свободен, к тому же... у вас так здорово на маяке...

Томми вдруг стало немного стыдно, ведь он с зимы так ни разу и не приглашал Сэма на маяк. Не каждому же повезло жить в таком волшебном месте, как ему.

– Так чего стоим? Пошли скорее! – чуть с большим воодушевлением, чем собирался, воскликнул Томми. Элис снова недоверчиво посмотрела на мальчика, но стала собирать книги.

Вскоре все трое уже бодро шагали к коттеджику, где жила Элис. Это неожиданное вторжение несколько встревожило мадам Стерн, и, увидев, что ребята волокут большой кусок сизой ткани, хозяйка дома недовольно поджала губы.

– Молодые люди, вы что, мою дочь в швею превратить собираетесь? – худощавая женщина отточенным жестом поправила на носу очки, – Элис и так вечерами пропадает, занимаясь Бог весть чем, приходит с занозами в руках и целыми дюнами песка в ботинках, так теперь она еще и вместо работы над домашним заданием кроит эту вашу холстину!

– Парусину, мэ, – поправил ее Томми.

– Так, молодой человек, не перебивайте старших, сколько раз Вам напоминать об этом?

– Прошу прощения, мэ, – задорно улыбнулся тот.

– Так о чем я? Куда вы собрались на ночь глядя?

– Ну почему же на ночь? До заката еще не меньше трех часов! – возмутился Томми.

– Так! – мадам Стерн недовольно посмотрела на него.

– Мам, – вступила в беседу выскочившая из комнаты Элис, она несла в руках прямоугольную корзинку с иглами и нитками, – мы идем на маяк, в гости к Томми. И парусину эту туда унесем, так что больше она на твои глаза попадаться не будет, как ты и хотела.

– Что ж, если так... – все еще недоверчиво глядя на ребят, покачала головой ее мама.

По дороге к маяку Элис обратилась к идущему первым с одним концом свернутой ткани Томми:

– Почему ты вечно с ней споришь? Тут же главное в нужных местах соглашаться и правильно все преподнести.

Сэм на другом конце рулона только усмехнулся, уж он-то знал, что с матерями спорить бесполезно, главное – не слишком часто попадаться на глаза. В их семье, помимо рыбного промысла отца, источником провизии и дохода было небольшое хозяйство. Оно не было в полном смысле фермой, как те, что располагались за городом. Но к ним тоже приходили за куриными яйцами и молоком. И если не требовалось помогать отцу, то тогда обязательно нужно было помочь чем-нибудь матери. У каждого из детей Фюшкинсов, кроме самого маленького, были свои посильные обязанности по хозяйству. И миссис Фюшкинс, замечая частые отлучки старшего сына после школы, полагала, что это все от недостатка занятости, и всячески пыталась исправить данное упущение.

Мальчики положили парусину у входа на маяк. Томми взял себя за расстегнутый ворот рубашки и немного потряс ткань, прилипшую к телу.

– Давайте дотащим его до гостиной и сгоняем наверх.

Все поддержали предложение, надеясь не только на завораживающие виды, но и на дуновение морской прохлады.

Когда они поднялись, Сэм поставил руки на металлические поручни и вытянулся слегка вперед. Ветер трепал его каштановые волосы и тонкую клетчатую рубашку, перешитую из отцовской.

– Красота какая... – восхищенно проговорил он, глядя то вниз на мелко-барашчатое море, то вдаль в сторону горизонта.

Элис, хоть и более привычная к этим видам, чем Сэм, тоже радостно улыбалась, обозревая окрестности. Ветер играл завитками ее волос, выбившимися из прически, и белым воротничком. Томми некоторое время смотрел на друзей. Они вдруг показались ему какими-то другими, здесь наверху, словно окунувшиеся в свои мечты, пробужденные открывшимися далями, они были иными людьми, ступающими каждый по своей дороге. Томми опустился на площадку чуть поодаль и свесил ноги наружу между металлических прутьев ограждения. Шнурок его ботинка, частично развязавшийся, болтался на ветру, и Томми специально стал слегка покачивать ногой.

Ребята неосознанно распределились по площадке, наблюдая каждый свои виды, свои мечты, свои просторы. Это был один из тех моментов, когда человек вдруг соединяется с чем-то внутри себя, не завуалированным чужими голосами и представлениями, отделяясь на мгновение от остальных, чтобы услышать настоящего себя.

Первой прервала молчание Элис:

– Пойдемте, нам надо успеть сегодня еще пошить до темноты. Томми, мы же еще на закате поднимемся сюда?

Мальчик встал, но, зацепившись развязанным шнурком, чуть не потерял равновесия. «Ага», – ответил он, отцепляя шнурок и заправляя его в ботинок, вместо того чтобы завязать.

Когда Мари вернулась домой, то застала в гостиной весьма оживленную компанию. Пол был устлан куском ткани внушительных размеров, по краям которой копошились Томми и Сэм, пришивая к нему куски веревки. Элис сидела за швейной машинкой и прострачивала небольшие треугольники ткани. На столе стояли чашки с недопитым чаем и тарелка с крошками, на которой раньше был пирог, приготовленный накануне Мари. «По крайней мере, они не голодные», – заключила девушка, улыбаясь, и удалилась на кухню, поставить на огонь уже остывший чайник. Сегодня к ней в булочную приходили по поводу городского праздника и окончательно утвердили ее кандидатуру на роль основного повара. И хотя Мари и Жаннет приносили большое разнообразие выпечки и десертов на каждый праздник, нынешнее положение казалось Мари обязывающим проявить себя на особой высоте. Поэтому она оставила ребят заниматься их делами, а сама разложила перед собой большие листы бумаги и принялась за обдумывание праздничного меню. Нужно было соблюсти правильный баланс между давно полюбившимися всеми старыми рецептами и ее новыми фантазиями и экспериментами,

а также позаботиться о том, чтобы было достаточно не только сладких, но и сытных блюд, учесть разнообразные вкусы и предпочтения горожан, о которых Мари за годы работы в булочной уже имела неплохое представление.

Она даже не услышала, как ребята ушли, только Томми заглянул после, спросить, не против ли она, если парус пока полежит в гостиной, в свернутом виде.

– Как у вас продвигается? – спросила она.

– Мне кажется, мы близки к завершению. Скоро будем спускаться на воду! – гордо заявил мальчик. – Как дела в булочной?

– Нам официально дали большую роль на празднике, – поделилась новостями Мари, – нужно как следует подготовиться.

Томми окинул взглядом кухню:

– Тебе не кажется, что ты слишком серьезная? – он посмотрел на удивленное лицо девушки, – Праздник – это про веселье.

– Пожалуй.

Пожелав Мари доброй ночи, Томми отправился наверх. Он залез в постель и вытащил книгу, но вместо того, чтобы читать, просто смотрел вглубь страниц, не различая строчек. Перед тем, как все разошлись, они снова поднялись на верхнюю площадку, смотреть на закат. А потом, когда ребята уходили, Сэм сказал, что он доведет Элис до дома, ведь ему же все равно по пути, а Томми потом возвращаться обратно на маяк. Небо заволочило тяжелыми, бурными в отсветах последних лучей, тучами, и воздух наполнился тягостным ожиданием очищения. Вроде бы в словах Сэма все было правильно. Томми тогда глянул на Элис, и она пожала плечами, никак явно не выражая своей позиции. А когда ребята ушли, мальчику почему-то стало грустно.

Городок еще тонул в утренней дымке, окутавшей верхние луга и вуалью затянувшей морскую поверхность у берега, когда Мари спустилась через пробуждающийся лес к булочной, отперла большим металлическим ключом дверь и шагнула в полутемное помещение. Соседняя улочка спала, и даже фонари вдалеке еще не были погашены. Необыкновенная тишина заполняла деревянные стены небольшого домика, выкрашенного в небесно-голубой цвет. Мари очень любила эти утренние часы, ей казалось, что пока мир еще колеблется на границе сна и пробуждения, он словно принадлежит ей одной, только она присутствует сейчас в нем. Время прекратило свой бег: она делает все не спеша и при этом все успевает. Нет дневной суеты и вечернего спада энергии, вниз на завершение. Из специального тканевого мешочка с дыркой на конце выходят идеальные гусенички эклеров, яичные белки под ее рукой превращаются в густую объемную кремообразную массу, изюм, вымоченный заранее и тщательно просушенный полотенцем, равномерно распределяется в миске с тестом, а печь греет ровно сколько нужно, чтобы позолотить бочка булочек и пропечь их пухлую мякоть.

Мари разминает тесто руками, погружаясь в него основанием ладони, с особым удовольствием сжимая и разжимая пальцы. Когда в тесте идеальный баланс муки и жидкости, оно удивительно приятно на ощупь.

Потихоньку солнце заливает город светом, раздается хлопанье ставень, первые голоса людей, и наконец, звякает колокольчик на двери в булочную. Витрины уже заполнены свежей выпечкой, хлеба стоят небольшими пирамидками за спиной Мари, а та улыбается из-за прилавка первому посетителю.

Утром обычно все идет для нее легко, даже когда полгорода спешит в их булочную за свежим хлебом, однако к обеду Мари уже с некоторым нетерпением ждет Жаннет, чтобы та могла подменить ее за прилавком.

В этот день Жаннет пришла почти без опозданий, в волосах ее горели еще две выкрашенные в голубой и оранжевый пряди, а на лице светилась улыбка.

– Даже не буду спрашивать, как дела, – у тебя на лице все написано! – поздоровалась Мари с подругой.

Жаннет рассмеялась. Она вприпрыжку сбегала за фартуком и сменила Мари за прилавком, позволив той скрыться на кухне.

Ближе к вечеру Мари завершила свои дела и заготовки на следующий день и потихоньку собиралась домой, когда на кухню нырнула Жаннет и, хитро улыбаясь, попросила подругу ненадолго подменить ее перед уходом. Девушка отряхнула фартук от муки и вышла в зал.

Там был всего один посетитель. Он задумчиво разглядывал витрину с высоты своего роста. Увидев девушку, мужчина улыбнулся в рыжие аккуратно уложенные усы и подошел:

– Добрый вечер, Мари!

– Добрый вечер, мистер Вилькинс! – улыбнулась девушка в ответ.

Учитель слегка склонил голову и глянул на Мари:

– Мне кажется, мы договорились – Джон.

На нем был тонкий клетчатый пиджак поверх рубашки, полностью застегнутый, несмотря на влажную духоту, царившую в весеннем воздухе.

– Я пришел узнать, – не спеша начал мистер Вилькинс, – хотели бы Вы пойти на праздник Начала Лета, со мной? – больше он ничего к этому не добавил, ожидая ответа девушки.

Мари вежливо улыбнулась, перебирая пальцами под прилавком. Со стороны мистера Вилькинса было очень мило пригласить ее вот так намеренно, ведь было же очевидно, что оба все равно будут там. Однако Мари казалось, что такое отдельное приглашение как будто обязывало ее к чему-то. А она теперь была наделена одной из официальных ролей на этом мероприятии, и боялась, что, согласившись, а потом не оказывая достаточного внимания спутнику, обидит его. Но и отказывать ей не хотелось.

– Мистер Вилькинс, я... – ей было очень сложно называть его по имени, – Я бы с радостью, но дело в том, что, – он внимательно смотрел на нее своими пронизательными зелеными глазами, – я буду отвечать за еду на празднике. Нашу булочную уже утвердили. И честно говоря, я не очень представляю, сколько у меня будет времени на сам праздник. Понимаете?

– Да. Я понимаю, – он опустил взгляд, и снова поднял его, – ну что же, в любом случае надеюсь увидеть Вас там.

– Конечно, – Мари снова улыбнулась ему, но получилось это как-то невесело.

В этот момент звякнул колокольчик, и в булочную, тяжело дыша, вошла мадам Кюрю, перед ней сразу метнулся лохматый черный пес и принялся с важным видом обнюхивать мистера Вилькинса, потом лизнул ему ладонь и двинулся в обход по булочной.

– Ох, что же за погода! – воскликнула с порога старушка, – бродят, бродят по небу тучи, и хоть бы каплю дождя пролили!

– Доброго вечера, Мари, – сказал мистер Вилькинс, поворачиваясь к выходу, – доброго вечера, мадам Кюрю, – и покинул булочную.

– Ох, моя дорогая, – обратилась старушка к Мари, – миссис Фиггинс сегодня сказала мне, что комитет утвердил Вас. Поздравляю! Теперь я спокойна за праздник – там уж точно будет вкусно. А в моем возрасте это самая важная часть. Танцы – удел молодых.

– Спасибо, мадам Кюрю, – Мари улыбнулась старушке, но ее мысли были не здесь, – что я могу предложить Вам сегодня?

Возвращаясь по извилистой тропинке к маяку, Мари вдыхала ароматы леса, усиленные влажной погодой. На душе у девушки было беспокойно. Еще с детства она привыкла самостоятельно принимать все решения и доверять своему выбору. Она знала – самый надежный человек в мире, который никогда не подведет – это ты сам. Другие люди придут и уйдут, а плечо, на которое всегда можно положиться – это то, которое ты гордо расправишь, двигаясь

вперед по жизненному пути. И тут, как-то незаметно, неспешными, но уверенными шагами в ее жизнь стал входить тот, кому ей вдруг захотелось довериться, на кого можно было положиться. И все же это был другой, совершенно отдельный человек... Он шел по направлению к ней не быстро, но она еще больше сдерживала свои шаги. Ее пугала возможность довериться другому настолько, чтобы соединить с ним свою жизнь. Жаннет, будучи младше Мари лет на пять, легко и доверчиво совершила такой прыжок, и крепкие руки Анри подхватили ее, не дав упасть. Но Мари так не могла.

Она остановилась посреди тропы, прислушиваясь к шорохам леса: где-то в древесных корнях шмыгнула мышь, прострекотала издали затихающая дробь дятла, совсем рядом вздрогнула листвою тяжелая ветка, покинутая сидевшей на ней птицей. Птица эта бесшумно скользнула, проплывая совсем низко над поверхностью земли, и ширококрылой тенью скрылась, одиноко и жалобно издав «у-уу» откуда-то из глубины крон. Мари уже несколько раз видела в этом лесу филина, когда возвращалась домой позднее обычного, но редко ей удавалось хорошо разглядеть птицу. Сейчас она проводила глазами ее плавный и бесшумный полет. «Интересно, – подумала девушка, – он здесь один или есть другие совы поблизости?» Других она в этом лесу никогда не видела.

Добравшись до дома, мистер Вилькинс поставил велосипед, проверил на нем цепь, потрогал колеса и завез его в подсобное помещение за домом. Небо еще горело закатными красками, разбрызганными по тяжелым набухшим влагой тучам. Но учитель был слишком погружен в свои мысли, чтобы обращать внимание на игры цвета уходящего солнца. Дома мистер Вилькинс с облегчением скинул пиджак, расстегнул несколько пуговиц на рубашке и пошел умываться. Прохладная вода потекла по его лицу, смывая усталость дня, застревая каплями в бороде и усах. Он приложил полотенце, промокнув лицо, словно желая оставить на ткани свои тягостные размышления, но получилось – лишь два мокрых пятна.

Он заварил себе крепкий кофе, достал с полки книгу о путешествиях одного известного ученого и попытался погрузиться в необычный мир аборигенов дальнего континента, красочных животных и революционных открытий, сделанных на основе сравнения формы клювов небольших птичек, обитающих изолированно на разных островах тропического архипелага. Мистер Вилькинс любил эту книгу и читал ее уже не в первый раз. Обычно чтение занимало его внимание целиком и безраздельно, но сегодня он то и дело ловил себя на том, что смотрит сквозь страницы, теряя смысл их содержания. Одна загадка не давала ему покоя, а мистер Вилькинс, будучи ученым, – и, как известно, человек никогда не перестает быть исследователем, даже если уходит из науки, – любил разгадывать загадки и находить разумные объяснения различным явлениям. Но это явление не поддавалось его логике. С одной стороны, мистер Вилькинс был уверен в симпатии Мари к нему, но с другой – отчего же она все время выстраивала стену, когда он пытался сделать шаг чуть ближе? «Непостижимость женской души», – могли бы сказать его женатые коллеги, однако мистер Вилькинс не любил на все непонятное вешать ярлык «непостижимости» и считал, что человеческое сознание работает по одним законам для всех представителей данного вида, а потому он не терял надежды разобраться в этом вопросе.

Однако день выдался невероятно душным, к тому же, к концу недели учитель порядком устал, и данные размышления были не лучшим отдыхом после трудового дня. Поэтому после пары безуспешных попыток погрузиться в чтение мистер Вилькинс закрыл книгу и отправился принимать ванну. Теплая вода всегда помогала ему расслабиться.

Уже поздно вечером, облачившись в полосатую пижаму, учитель прошествовал в спальню, раздвинул занавески на окнах, чтобы солнечные лучи помогли ему с утра пробудиться.

даться, и отправился в постель. Но и тут вышла промашка. Даже несмотря на водные процедуры, сон не шел. Мистер Вилькинс мог бы погрешить на выпитую до этого чашку кофе, но раньше подобное никогда ему не мешало. Мысль о серьезной проблеме или предстоящем волнительном событии еще могла лишить учителя сна, хоть и не обязательно, но впервые за долгие годы мысль о девушке не давала ему уснуть. Мистер Вилькинс поднял одну бровь, дивясь сделанному открытию, положил руки за голову и погрузился в размышления.

Глава 4. В проблеске грозы

Это был День. Нет, не просто некий день, а День! Томми поднялся, оделся и выскочил из дома, даже не позавтракав. Он несся через лес, чувствуя, что даже неподвижные, глубоко укорененные в почве деревья сейчас бегут вместе с ним, птицы не просто щебечут в ветвях, а подзадоривают его «Фиють-фиють – в путь», «черок-черок – вперед на док!». Все было готово. Мальчик пробежал мимо булочной и спустился к морю. Их корабль, укрытый навесом, стоял с гордо поднятой и пока обнаженной мачтой. Томми нежно погладил лодку по борту, обернулся к морю и шепнул дувшему с него соленому ветру «жди!». И бросился назад. Распахнув дверь булочной, Томми, подпрыгивая от нетерпения, приступил к своим обязанностям. В конце его смены должны были зайти ребята, и все вместе отправиться на маяк за парусом, чтобы окончательно закрепить его на гроте «Фрегата».

На кухне Томми обнаружил все заготовки, предусмотрительно расставленные Мари в порядке их запекания. Он подготовил печь, стараясь не отвлекаться на мысли о корабле, чтобы ничего не перепутать в булочной, но это получалось с трудом. Он чувствовал, как по его телу словно пробегают маленькие электрические разряды, так он был воодушевлен предстоящим днем.

Посетителей в это утро было немного. Несколько пожилых дам заходило за свежим хлебом, забегал мальчик с соседней улицы, купил булочку с корицей, ближе к полудню зашла миссис Стерн, – покупая хлеб, она в очередной раз напомнила, чтобы они не пропадали допоздна.

– Элис сегодня какая-то особо беспокойная. Не понимаю, как она с вашими этими досками и молотками должна успевать делать домашнее задание, – поправляя очки, заметила миссис Стерн недовольным голосом, – что на сей раз вы затеяли?

– Мы будем ставить парус, мэм! – завернув хлеб и передавая его маме Элис, воскликнул мальчик, – положить Вам пару улиток с изюмом? Или, может быть, малиновых эклеров с шоколадной крошкой? У нас новый поставщик какао, и наш шоколад теперь еще вкуснее...

– Томми, остановись, пожалуйста... Хорошо, клади две... улитки, – кивнула мадам Стерн, потом, вспомнив, что хотела сказать до того, как ее засыпали кондитерским ассорти-ментом, продолжила, – куда вы хотите ставить парус? – на лице ее проявилась тень непонимания.

– На рей. Мачты, – Томми аккуратно доставал щипцами с подноса булочки.

– А почему ставить? Он что, накрахмаленный у вас?

Теперь уже оба собеседника смотрели друг на друга с непониманием.

– Ладно, – мадам Стерн прервала игру в гляделки, – сколько с меня?

Томми назвал сумму, и пока покупательница вынимала из маленького вышитого кошелечка монеты, он ловко подцепил два малиновых эклера и, уложив их в картонную самодельную коробочку, сворачиванием которых занимался в свободное время между выпечкой и покупателями, поставил ее к остальному заказу:

– Это Вам и Элис за счет заведения! – Томми очень нравилась эта фраза, хотя ему запрещали ее часто использовать, – Мари будет приятно узнать, что Вы думаете о новом рецепте.

Мама Элис даже улыбнулась от неожиданности, она не могла отказать, когда спрашивали ее мнения и, поблагодарив, забрала заказ.

Почти столкнувшись с выходящей из булочной мадам Стерн, на пороге появился Анри, он вежливо придержал дверь даме и потом направился к прилавку.

– Привет, Анри! – весело поздоровался с ним Томми, – как там Жаннет? Мы теперь стали так редко видеться...

– Привет, Томми! – улыбнулся Анри, – как раз за этим и пришел. Мы с Жаннет хотели пригласить тебя и Мари поужинать сегодня у нас.

– Здорово! – обрадовался мальчик, но потом задумался, он не знал, сколько времени займут испытания, – я обязательно передам Мари. Она, кстати, уже вот-вот подойдет. Только я могу немного припоздниться... Вы не обидитесь?

– Всё твои корабельные дела? – поинтересовался почтальон.

– Да, – с серьезным видом кивнул Томми, – парус ставим сегодня.

– Ну тогда конечно, – не менее серьезно ответил Анри, – я понимаю. Приходи когда освободишься, Жаннет будет очень рада видеть тебя!

– А я ее! Анри, может, возьмешь что-нибудь сразу из булочной к чаю?

– Даже не знаю, Томми... – Анри немного смутился, – Что порекомендуешь?

После того как мальчик снабдил почтальона объемным кульком «рекомендаций», Анри отправился домой, а Томми в ожидании Мари и ребят занялся складыванием коробочек.

Элис и Мари пришли почти одновременно, только Сэм слегка припозднился.

– Еле все успел закончить, – запыхавшись, сказал он, – мама отпустить не хотела...

– А вот моя была на удивление спокойна, – произнесла Элис, – что ты ей такого сказал, Томми?

– Хм, – гордо посмотрел на нее мальчик, – у меня своя стратегия общения с твоей мамой! – это было туше за ее вчерашнее высказывание.

Тучи ушли дальше в сторону горизонта, отдавая Городку лоскут чистого мутно-синего неба. Однако томительная жара не спадала, и волны легкими накатами подбирались к босым ногам детей, маня искупаться. Мальчишки завершали крепление паруса, а Элис по схеме на листочке проверяла расположение крепления такелажа, заодно в очередной раз повторяя названия снастей. Отчего-то все эти шкоты, фалы, бакштаги и фордуны никак не хотели укладываться в ее голове.

– Ну, что, команда! – воскликнул Томми, любуясь их творением. – Мы готовы к первому испытанию!

Сэм глянул на небо:

– Будет гроза. Парит.

– Уже два дня как парит, – пожал плечами молодой капитан, – но грозы-то нет. А сейчас и вовсе небо очистилось. Да и чего тут – у берега вода теплая. Вытащим сейчас, намочим брюхо кораблику, пройдем слегка вдоль берега да вернемся.

Сэм молчал, он глянул на Элис и увидел, что в глазах девочки тоже загорелся огонек. Она посмотрела на море, потом на лодку, не решаясь высказать свою позицию. Но Сэм сразу прочел на ее лице, что он в меньшинстве.

– На закате можно выйти вместе с отцом, – попробовал он еще раз, – он знает море...

– Да не пойдем мы в море – в море так, только посмотреть, как «Фрегат» на воде, – гнул свое Томми.

Сэму был не чужд тот раж, что охватил их капитана, и, в конце концов, он тоже поддался этому чувству. «Да и потом, – говорил себе сын рыбака, – ведь и правда, любую лодку нужно проверить на предмет течи... Это лишь первое испытание, мы даже парус открывать не будем. Наверное».

С дока под наклоном были поставлены доски, и по ним ребята стащили «корабль» к линии воды. Закатав штаны и впрягаясь, словно лошадь в плуг, два мальчика поволокли судно дальше, все глубже заходя голыми ногами в соленую воду. Прикосновение ее было слегка

прохладным, и казалось, что все море разом наполнилось теплом этих дней, и теперь совершенно пригодно для купания.

Элис поспешила за ребятами. Они помогли ей забраться на борт, и, еще немного дотолкнув судно, тоже вскарабкались на него. Томми «встал у штурвала», сев на баке, с нетерпением и трепетом приноравливаясь к рулю. Сэм проверял натянутость стоячего такелажа, поддерживавшего их единственную мачту. Несмотря на то, что судно было парусным, как и на любой лодке, здесь имелась пара весел, которыми ребята и воспользовались, чтобы оттолкнуться и слегка отдалиться от берега.

Вода играла мелкой серо-синей волной, покачивая свежескрашенные борта кораблика, несколько мелких птиц пролетели мимо, пикируя над морской поверхностью. Лодка показывала себя хорошо, и не было видно течей, хотя на всякий случай под скамьей лежало ведро на веревке с черпаком, а у другого борта был закреплен старый красно-белый круг с облупившейся краской, который Томми нашел на маяке.

Пришло время финального испытания.

– Поднять грот! – гордо и счастливо закричал Томми с бака, – паруса по ветру! – его просто распирало от этих слов, словно он был капитаном настоящего парусного корабля, отбывающего из крупного порта к неизвестным землям далеко за океаном.

Сэм и Элис налегли на фал³, и рей с парусом пополз наверх, давая полотнищу раскрыться, а потом взяли за шкоты⁴ и брасы⁵, выводя парус на ветер. Впрочем, тот был несильный и поначалу просто слегка полоскал полотно паруса. Томми отладил рулем направление носа корабля, а Элис и Сэм выбрали шкоты. Лодку слегка потянуло вперед, и она, рассекая морскую пашню, пошла вдоль берега.

– Хорей! – весело закричал молодой капитан, и его клич был поддержан командой.

Теперь уже все трое были охвачены ражем приключения, впервые оказавшись на собственном судне, которым они же и управляли. Что могло сравниться с бегом их парусной лодки по волнам, чувством снастей в руках и морским ветром, раздувавшим волосы? Разве что путешествие на настоящем фрегате. Но ребята об этом не думали, в этот момент их «Фрегат» был самым настоящим парусным кораблем, а они – исследователями необъятных морских просторств и далеких континентов. Лодку постепенно уносило все дальше от берега по легкой сизоватой ряби моря.

Первые капли ударили в стекло булочной, потом забарабанили по голубым ставням и, наконец, ринулись сплошным потоком, сделав стекло практически непроницаемым. Мари подняла голову и с удивлением посмотрела в окно, потом подняла руку к губам и, бросившись к двери, распахнула ее настежь. Девушку сразу обдало брызгами, отлетающими от разбивающихся капель. Вдруг небо резко вспыхнуло, озарив Городок, мгновенно вымокший под ливнем, и щербатую поверхность моря, и через несколько мгновений огласило округу гулками перекатами грома.

– Боже мой... – прошептала Мари. В голове у нее тут же зазвучал озорной голос Томми: «будем проводить первые испытания!» Девушка вцепилась пальцами в дверной косяк, судорожно перебирая в голове, что можно сделать. Они были там, где-то за пеленой дождя, три подростка в самодельной лодке... Порыв ветра рванул водную занавесь и ударил ею по лицу

³ Фал – снасть корабля, предназначенная для подъема и спуска рея.

⁴ Шкот – снасть, предназначенная для растягивания нижних (шкотовых) углов паруса.

⁵ Брас – снасть, закрепленная на ноке рея, предназначенная для разворота паруса в горизонтальном направлении. У каждого рея, соответственно, два браса – правый и левый. «Барсопить» или «обрасопить» рей, значит, развернуть парус с помощью брасов.

девушки, дернув распахнутую дверь. Где-то звякнул колокольчик велосипеда. Мари быстрым движением накинула шаль и ринулась под дождь.

Навстречу ей выехал Анри. Резко затормозив, он соскочил с велосипеда, цепляясь за него полами почтальонского плаща.

– Мари, что Вы делаете в такой ливень на улице? Я же специально везу Вам плащ! – он принялся отцеплять кулек от багажника.

– Нам нужно срочно на пляж! – перекрикивая шум дождя, закричала Мари, – там дети, возможно даже, в море...

– Да ну что Вы, Мари! Кто в такую погоду выйдет в море? – Анри развернул плащ и спешно протянул девушке, хотя она уже и так была мокрая почти до нитки, – наверняка укрылись в домике на сваях и пережидают. Пойдемте скорее к нам, пока Вы не простудились!

– Нет, Анри, – Мари запахнула плащ, всем видом выражая непоколебимое намеренье идти, – я точно знаю.

– Хорошо, – понимая, что ее не переубедить, сказал почтальон, – я сам сейчас быстро съезжу на пляж и проверю, а Вы идите к нам домой и сушитесь. Жаннет напоит Вас чаем, а я приведу детей.

Мари кивнула и, дождавшись, пока Анри развернет велосипед и скроется за пеленой хлещущего сплошным потоком дождя, побежала вниз по улице. Однако вместо того, чтобы свернуть к дому почтальона, девушка продолжила спускаться к морю. Когда она достигла пляжа, у домика на ножках уже лежал велосипед Анри, сам почтальон стоял под проливным дождем рядом с тем местом, где только недавно строился самодельный корабль, неподалеку на мокром песке лежали три пары обуви.

Мари замерла, вглядываясь в море, но скрытая пеленой дождя водная поверхность казалась непроницаемой. Ветер порывами поднимал эту влагу и хлестал по лицу стоявших на берегу, зацепляя и море, и обрушивая его волнами на песок.

– Я не вижу их! – прокричал Анри, – возможно, они причалили где-то и укрылись от непогоды...

– Их нужно найти... – прошептала Мари, перебирая в памяти все, что могло бы помочь в этой ситуации, но в голову ей приходил только один человек, к которому она уже не раз обращалась за помощью, и который всегда был готов оказать ее. Однако было еще кое-что...

– Анри, мы должны их найти. Они могут быть в море сейчас. Пожалуйста, езжай за мистером Вилькинсом. Он... Он наверняка что-то придумает, а я побегу на маяк, там есть подзорная труба, может быть, мне удастся увидеть их.

– Хорошо, – кивнул Анри, направляясь к велосипеду, – но, пожалуйста, успокойтесь. Давайте сначала предполагать лучший вариант, хорошо?

– Да. Спасибо.

Она бросилась бегом по пляжу, повторяя про себя последнюю фразу, сказанную Анри, представляя, как сейчас она наткнется на вынесенную на берег лодку и детей, укрывающихся под ней.

езкий шквал, прилетевший из ниоткуда, рванул парус. Совершенно незаметно небо заволкло тяжелыми свинцовыми тучами, приблизившимися к воде так, словно хотели схлопнуть между собой и морем маленькую скорлупку лодки. Томми налег на руль, который тяжелые волны пытались вырвать из его рук.

– Рифить парус! – закричал мальчик.

Элис бросила взгляд на Сэма, пытаясь по его действиям понять, что от них требуется. Тот поднялся, и в этот же момент очередная волна обрушилась на лодку с такой силой, что

судно трянуло, и соленая вода перевалила через борт. Девочку ринуло вниз, и она судорожно схватилась руками за банку, а когда, тяжело дыша, подняла мокрую от морской воды голову, то увидела, что противоположный борт пуст. И лишь черные тяжелые волны шли одна за другой. У Элис на мгновение перехватило дыхание.

– Сэм!!! – закричала она. Новый толчок снова почти повалил девочку, но она полуползком достигла того места, где только что был Сэм.

– Круг! – сквозь шквальные порывы орал Томми, – рядом с тобой! Бросай ему круг!!!

Томми видел, как длинная фигура Сэма ухнула вниз в черную воду, руль рвануло из рук мальчика, и корабль начало разворачивать, наполняя до треска полотнище паруса. Мальчик изо всех сил навалился на руль, пытаясь удержать корабль в прежнем положении.

Элис, судорожно огляделась, схватила круг и, размахнувшись, что было сил швырнула его в сторону удаляющегося от них и пытавшегося плыть к судну Сэма. Волны захлестывали его, и мокрая голова то появлялась над водой, то исчезала. Броски никогда не были сильной стороной Элис, даже игр с мячом она особо не любила, и потому очень боялась не докинуть. Теперь же она с ужасом и напряжением смотрела, как летит облезлый бело-красный круг в морскую пасть, которая норовила поглотить Сэма, накрывая его холодным свинцовым языком волн. Круг взмыл, увлекая за собой веревку, закрепленную одним концом на борту, и плюхнулся в воду неподалеку от мальчика. Борясь с холодными захлестывающими его волнами, Сэм сделал большой рывок в его сторону, но круг все еще болтался на волнах. Элис перестала дышать, вцепившись окоченевшими пальцами в борт. Еще рывок... Волна снова захлестнула Сэма, но одной рукой он уже держал круг.

В этот момент подскочил Томми и, забрав веревку из рук девочки, принялся вытягивать из воды Сэма.

– Шкоты трави... – только выдохнул он, налегая на веревку и, наконец, ухватив за рубашку Сэма, помогая тому перекинуться через борт.

Корабль метало на ветру, как потерянное птицей перо, тяжелые капли дождя замолотили по доскам. Раздался неприятный треск, и их начало кренить на правый борт. Томми вскинул расширившиеся от ужаса глаза, вскочил и, выхватив из кармана перочинный нож, полоснул по веревке, парус взмыл перекошенный и заполоскал свободным шкотовым углом на ветру, словно флаг. Элис уже была у другого конца полотнища, ослабляя второй шкот. Судно немного выровнялось.

– Нас несет от берега, – выкашливая воду, просипел Сэм, – нужно лечь на весла и идти по диагонали к берегу. – Он еще с трудом дышал, исторгая из себя соленую воду, и пока не осознавал холода, но его уже начинала пробирать дрожь.

На море обрушился мрак, тучи темно-синие и бурые закрывали все пространство небес до самого горизонта, но и того было не разглядеть за плотной стеной косо дождя, нещадно хлеставшего трех путешественников. Черная, как оникс, морская поверхность вздыбилась гребнями, словно шкура дракона, швыряя лодчонку с одного переката на другой.

– Где берег? – перекивая стихию, обернулся на сына рыбака Томми. – Знаешь?

– П-предполагаю, – Сэма колотил озноб.

– На весла тогда, – Томми переместился на другой борт, – Элис, тебе на руль.

За все это время девочка не произнесла ни слова. Платье на ней намокло и противно липло к телу, ее тоже начинала пробивать мелкая дрожь. Но она плотно стиснула зубы и поползла на бак. Сердце Элис колотилось так, словно хотело подпрыгнуть и ударить ее по подбородку. Или виной была качка, бросавшая судно с волны на волну, словно скорлупку. Только что перед глазами девочки был исчезающий под каждым водным накатом Сэм, отдаляющийся от корабля и почти пропавший там, в черной водной бесконечности. События происходили столь быстро, что она просто не успевала до конца осознавать их.

– Постарайся просто удерживать его прямо! – донесся до девочки заглушаемый лавиной дождя крик Томми. – Просто прямо!

Ухватившись за ручку руля, Элис через сопротивление воды вывела его в прямое положение, как ее учил Томми, и изо всех сил зажала. Напряжение мышц помогло ее телу обрести немного столь желанного в этот момент тепла.

В дверь постучали. Вначале Мистер Вилькинс подумал, что это лишь усиление и без того лишнего как из ведра дождя. Но стук повторился еще настойчивее. Учитель закрыл книгу и, поднявшись, направился к двери. В струях дождя стоял человек, закутанный в плащ, и если бы этот плащ не был форменным, то мистер Вилькинс, пожалуй, сразу бы и не узнал гостя.

– Заходите скорее, Анри, – учитель отступил в сторону, пропуская гостя в дом, – что привело Вас ко мне в такую погоду? Что-то с Жаннет?

– Нет, – утирая лицо, ответил Анри, – с ней все в порядке, это... – он закашлялся, – дети. Мари утверждает, что Томми собирался сегодня проводить испытания лодки. Мы нашли на пляже только их обувь, хижина пуста, лодки тоже нет.

Мистер Вилькинс внимательно смотрел на говорившего, и по лицу учителя трудно было понять, что тот думает, тем временем Анри продолжал:

– Быть может, они успели причалить где-то, но если они в море, то... Мари хочет попытаться увидеть их с маяка, но чем это поможет?..

– Подождите, Анри, – прервал его учитель и принялся рассказывать по комнате взад-вперед. Он остановился у очага, положил руку на каминную полку и забарабанил по ее каменной поверхности длинными пальцами, потом снова устремил взгляд своих зеленых глаз на почтальона:

– Телеграфный аппарат исправен?

– Да... – ответил тот, – вчера работал, но сегодня воскресенье же...

– Неважно, – и мистер Вилькинс, круто повернувшись, быстро вышел из комнаты. Его шаги раздались на лестнице, потом над головой Анри, и вскоре хозяин дома вернулся с небольшой записной книжкой в руках. Быстрым движением учитель накинул плащ и обернулся:

– Идемте. Едем на почту.

Вскоре два велосипедиста покатались по дорожке, подставляя спины дождевым потокам. Пока Анри проверял подключение телеграфного аппарата, мистер Вилькинс написал что-то на листе бумаги и протянул почтальону.

– Анри, дадите эту телеграмму вот по этому номеру, а я – на берег, поеду от хижины в сторону школы и дальше вдоль берега, а Вы, когда дадите телеграмму, отправляйтесь по берегу в другую сторону. Может быть, их унесло за маяк.

Мистер Вилькинс налег на педали, наклонился к рулю и понесся вниз по улице, балансируя по скользкой дороге. Как он и предполагал, пляж был пуст. Вырулив за школу, он выехал к лодочной пристани. Деревянный пирс заливало водой. Рядом на привязи болтались скорлупки рыбацких лодок. К своему удивлению, мистер Вилькинс увидел на мокрых досках пирса фигуру рыбака, отвязывавшего лодку.

– Сэм! – закричал сквозь шум дождя мистер Вилькинс, сразу узнав друга, – что ты делаешь? – спрыгнув с велосипеда, он подбежал к мистеру Фюшкинсу и ухватил того за руку, когда рыбак уже шагнул в лодку.

– М-мой сын, м-мой мальчик... т-там... – указывая свободной рукой на черную морскую пасть, проговорил Сэм, – д-другие дети тоже... Я найду их...

– Ты с ума сошел, – твердо произнес учитель, – таким образом ты никого не спасешь, даже если они сейчас в море. Что не обязательно. Единственное, чего ты можешь достичь таким путем – это своей смерти, оставив жену вдовой, одну с детьми на руках. Ты этого хочешь?

Сэм со слезами в глазах смотрел на друга, открыл рот, чтобы что-то ответить, но не мог. Он и сам понимал правоту слов мистера Вилькинса, но как он мог ничего не предпринять, когда его мальчик и два других ребенка были там, в центре бури, посреди холодных морских вод?

– Мы отправили телеграмму в порт, – все так же спокойно и настойчиво произнес мистер Вилькинс, не отпуская руки друга, – они вышлют спасательное судно. А пока мы обследуем берег. Ну же, старина, вылезай из лодки!

Мистер Фюшкинс кивнул, перехватился и шагнул обратно на мостки. Мистер Вилькинс помог ему привязать лодку.

– Слушай Сэм, – только что убедивший рыбака ступить на берег мистер Вилькинс теперь вознамерился отправить его домой, глядя на вымокшего до нитки мужчину, – думается мне, что ребята сейчас не суше тебя. Может, ты сбегашь скажешь миссис Фюшкинс, чтобы она растопила камин пожарче и ставила чай? А я на велосипеде – быстрее все объеду.

Волны вздыбливали спины и перебрасывали кораблик с одной на другую, словно это была детская забава. Черное непроницаемое море разевало алчущий рот, от нетерпения орошая парусную лодку соленой слюной. Струи дождя хлестали в лицо молодого капитана, но он только сильнее налегал на весло, сжимая его древко окоченевшими пальцами. Впереди ничего не было видно, только мутная завеса дождя да бесконечные перекаты черных волн.

«Меня... – со злостью и нажимом думал мальчик, – *меня* забери, ненасытное ты чудовище, если так нужно, – и с силой снова и снова наваливался на весло, – но не тех, кто по моей глупости оказался здесь... со мной... – и, вскинув на мгновение глаза к сине-серым тучам, добавил мягче, – прошу».

Мальчики с силой наваливались на весла, даже не чувствуя, как стирается кожа на ладонях, как хлещут холодные струи дождя по спине. Парус, словно сломанное птичье крыло, болтался на рее, хлопая свободным углом. Лодка ныряла носом в провалы между волн, вздрагивая, орошаемая ливнем, одинокая точка посреди ненасытной стихии...

Вдруг через рев бури Томми почудилось, что он слышит знакомый голос. «Держись, мой мальчик!» Небо, словно изнемогая от переполняющей его влаги, все вспучилось, надулось большой черной тучей, и в ее очертаниях вырисовался остро-направленный вперед бушприт, а прямо за ним – две стоящие фигуры.

«Держись, мой мальчик!» – отчетливо прозвучал в голове Томми голос мистера Нордваттера. И сразу вслед за этим тучу пробил тонкая и разветвленная, будто перевернутый ствол дерева, молния. Ее яркий свет на мгновение озарил морскую поверхность и прямо по курсу лодки острые клыки прикрытых водой скал.

– Право руля!!! – заорал Томми и, кивнув Сэму, с силой начал табанить веслом, а Сэм по его команде – загребать. Волна швырнула судно, зубы оскಾಲились совсем близко, но лодка уже повела носом в сторону и пошла прочь от опасного участка.

Мальчики переглянулись, тяжело дыша и вновь ложась на весла. Берег был где-то близко, но все еще скрыт непроглядным занавесом дождя.

И тогда вспыхнул вдруг новый свет и заиграл на обсидиановой поверхности волн, устойчивым лучом протянувшийся к маленькой лодке, словно рука друга. С высокой башни, не видимой во мраке, обрушился прорубающий тьму морских вод луч света, указавший путь к спасению. У Томми вырвался облегченный вздох, и мальчик посмотрел на Сэма, лицо кото-

рого тоже озарило светом с маяка. Элис, уже практически лежавшая на руле, издала нервный смешок, подхваченный ребятами. И, выровняв лодку по ориентиру маяка, они двинулись вперед к тем, кто ждал их на берегу и протягивал навстречу луч надежды.

Луч, яркой желтой вспышкой хлынувший с вершины маяка, осветил и залитый дождем Городок, и двух мужчин, споривших на пристани, проник в маленький коттеджик, где стройная высокая женщина средних лет в волнении расхаживала по комнате, заглянул в окошко домика, где седая старушка и молодая женщина с цветными прядями в волосах накрывали на стол и, переживая, переговаривались, куда же могли запропасться Анри и Мари в такую непогоду.

– Я их вижу!!! – без запинки прокричал мистер Фюшкинс, прервав собеседника. Рыбак с криками побежал по пирсу, размахивая руками: – сюда-сюда!!! Сэм! Томми! Элис! Сюда!

Однако мистер Вилькинс не сдвинулся с места, он хорошо видел, что лодку сносит, и ребятам к пирсу не причалить. Некоторое время наблюдая траекторию движения судна, мистер Вилькинс схватил велосипед и поехал назад к пляжу. Лодку уносило к скалам у маяка.

Томми и Сэм, завидев впереди здание школы и желтую полоску песка, из последних сил налегли на весла. Ладони их, стертые в кровь, уже не чувствовали боли. Где-то вдалеке Сэму послышался голос отца, ему хотелось ответить, но сил на это уже не было – главное выгрести к берегу. Они боролись с каждой волной, но песчаная полоса не приближалась.

Мистер Вилькинс увидев, что лодка уже почти достигла песка, но ее продолжает сносить, прямо как был в брюках и ботинках побежал в воду.

– Бросайте круг! – заорал он изо всех сил, – Бросайте...

С противоположного конца пляжа уже выруливал Анри, благодаря свету с маяка тоже увидевший лодку. С пристани же бежал мистер Фюшкинс, он, не останавливаясь, ринулся в воду вслед за учителем географии.

На лодке произошло движение, и в ярком луче маяка взметнулось колесо спасательного круга на веревке. На этот раз бросал Томми.

Будучи самым высоким, мистер Вилькинс зашел дальше остальных в воду и на удивление ловко ухватил летевший к нему круг. Трое мужчин налегли на веревку, закрепленную на носу лодки, притягивая к берегу судно и с трудом уже держащих весла ребят.

Мистер Вилькинс ухватил лодку за борт и, вдруг зацепившись за что-то ботинком и на мгновение утратив равновесие, окунулся с головой в воду. Мистер Фюшкинс и Анри продолжали тянуть, даже не успев заметить неожиданного исчезновения и появления мистера Вилькинса. Вынырнув, учитель, отплевываясь, снова ухватился за борт, и трое мужчин, наконец, вытащили нос лодки на песок. Все еще стоя в воде, мистер Вилькинс протянул руки и, подхватив Элис, передал Анри девочку. Сэм выпрыгнул из лодки сам, и сразу встретился глазами с отцом. На мгновение мальчик замер, все его тело продолжала бить мелкая дрожь, но отец тут же заключил сына в объятия, не говоря ни слова. Томми покинул корабль последним.

Видя, как лодка идет в сторону берега, освещенная желтым лучом, Мари рухнула на колени, ухватившись руками за металлический поручень, и разразилась приступом хохота, вторя грозе, она громко смеялась не в силах остановиться, и наконец, затихла, еще некоторое время вздрагивая всем телом и тяжело дыша. Волосы, полностью вымокшие, облепили ее лицо, словно осьминожки щупальца, плащ лежал на одних лишь плечах, а все платье, любимое Мари

зеленое платье, было мокро до нитки и залеплено грязью – девушка несколько раз упала, пока бежала до маяка по размытой глинистой лесной дорожке.

Наконец, Мари нашла в себе силы подняться, и на подкашивающихся ногах пошла вниз, однако у своей комнаты она остановилась, потом, резко отворив туда дверь, сдернула с кровати пушистое покрывало, завернула его в плащ и побежала вниз по лестнице.

Тем временем в домике почтальона молодая жена Анри не находила себе места.

– Куда они могли запропасться? Ведь булочная же здесь в двух шагах!

Она расхаживала вокруг стола, поправляя приборы, при этом задевая рукавом чашки, и те с обиженным звоном подпрыгивали на блюдах. Старушка только пожимала плечами и ходила вслед за невесткой, выравнивая чашки.

– Мало ли что... – тихим голосом сказала мать Анри, – скоро придет. Не волнуйся так.

– Пойти за ним, может? – обернулась Жаннет, вопрошающе глядя зелеными пронзительными глазами на старушку.

– Ну что ты, ну куда ты пойдешь? Анри в рабочем плаще ушел, и твой забрал для Мари. Вымокнешь только, да простудишься, а он... – в дверь настойчиво постучали, – а вот и он! – радостно всплеснула руками старушка.

Жаннет бросилась к двери, вся сияя. За порогом, орошая коврик струями, стекающими с мокрого платья, стояла Мари со свертком в руках.

– Мари... – ахнула ее подруга, – что с тобой? Где Анри? Проходи скорее!

Девушка шагнула под крышу:

– Жаннет, нет времени. Скажи маме Анри, пусть растапливает камин, готовит теплые одеяла, чай... Сама бери, что есть от дождя, и одеяло, полотенце или плед, и беги на берег к домику на сваях.

– А что?..

– Ребята вышли на лодке и попали в грозу. Спокойно! Они уже подходят к берегу, там Анри, мистер Вилькинс и еще кто-то из мужчин, возможно, мистер Фюшкинс. Ты все поняла, что делать? А я за мадам Стерн и тоже на берег.

Мари развернулась и растаяла за пеленой дождя, словно это был лишь призрак девушки, и только мокрое пятно на полу у двери свидетельствовало о том, что она и впрямь была здесь.

Глубоко вдохнув и выдохнув, Мари постучала в дверь. Не давая хозяйке опомниться и задать ненужные сейчас вопросы, девушка попросила миссис Стерн взять все необходимое и идти с ней.

– Не волнуйтесь, пожалуйста, мадам, – четко проговорила Мари, смотря женщине в глаза, будто надеясь загипнотизировать ее и тем призвать к спокойствию, которого, надо сказать, Мари сейчас тоже недоставало. – Все уже хорошо, – девушке и самой хотелось в это верить, – пойдемте скорее, я все расскажу по дороге. Дети промокли...

– Вы тоже, – жестко сказала мадам Стерн, сдерживая дрожь в губах, и скрылась в доме.

Весь вечер она не находила себе места, наблюдая потоки небесной влаги, омывающие окна, надеясь, что ее дочь благополучно укрылась с этими двумя неугомонными мальчишками на маяке. Мадам Стерн считала Сэма более надежным в силу его возраста и имела хорошие отношения с его матерью. И все же, что это за компания для юной девицы – два сорванца мальчишки? – считала она. И вот теперь заявляется Мари в таком чудовищном виде, которого уж от нее-то мадам Стерн никак не могла ожидать, а ее дочь, значит, непонятно где мокнет под проливным дождем, под этой ужасной грозой...

Она бормотала себе под нос, быстро складывая одеяло и убирая его в мешок, беря зонтичность, и обуваясь в кожаные ботинки. Однако семена под зонтиком рядом с Мари вниз по

улице и слушая о случившемся, мадам Стерн забыла про все свои причитания и вскоре припустила с такой скоростью, что Мари даже с трудом за ней поспевала.

Девушка первая разглядела людей на берегу, ее спутнице это было чуть сложнее, так как дождем забрызгало очки. Лодка, заваленная на бок, словно выброшенный на берег кит, возлежала на песке, ее кормы все еще слегка касались волны. К группе детей и их спасателей уже присоединилась Жаннет. Подбегая, она инстинктивно протянула одеяло Томми, но тот молча отстранил ее руку, указывая на Элис, и девушка тут же накинула одеяло на плечи дрожавшей девочки. Отверг мальчик и предложенный Мари плед: «Сэму... он сильнее замерз», – тихо сказал Томми.

– Скорее, их нужно увести в тепло, – скомандовал мистер Вилькинс. Морская вода каплями стекала с его рыжих волос и усов, но со стороны он казался лишь вымокшим под дождем.

Мистер Фюшкинс, растиравший и обнимавший сына, с благодарностью принял из рук Мари плед, укутывая Сэма:

– Мы д-домой... Джон, Анри... б-благодарю вас... дамы...

И они поспешили с пляжа. Сэм младший только обернулся, желая что-то сказать, но не знал, как выразить словами свои эмоции. Он посмотрел в серо-голубые с прожилками глаза Элис, вокруг которой уже вовсю суежилась мадам Стерн, укутывая дочку вторым одеялом, не заметив, что Томми не досталось ни одного. Потом Сэм перевел взгляд на молодого капитана... и кивнул ему. Томми кивнул в ответ.

Мистер Вилькинс почувствовал прикосновение к руке и обернулся, его зеленые глаза встретились с темно-кариими глазами Мари:

– Пожалуйста, помоги...те мадам Стерн довести Элис до дома, а мы с Жаннет и Анри позаботимся о Томми.

– Конечно, – мистер Вилькинс на мгновение коснулся руки Мари, а потом обернулся и подошел к миссис Стерн и ее дочери.

– Надо скорее доставить ее в тепло, – сказал он миссис Стерн и подхватил Элис на руки.

Мари завернула Томми в плащ, и они вместе с Жаннет и Анри тоже поспешили к Городку. Поднимаясь, Анри сказал, чтобы девушки вели Томми к ним домой, а он еще должен завернуть на почту, чтобы отправить в порт телеграмму, отменяя поднятую тревогу.

Небольшими кучками люди покидали мокрый пляж, спешно уводя вымокших детей к теплу очагов. Взбаламученный их ногами песок мокрыми гребнями и кочками лежал у вытасщенной на берег лодки. Томми обернулся, бросая взгляд на свой корабль, одиноко помахивающий углом паруса. Мальчику захотелось вернуться и хотя бы собрать до конца полотнище. Он глянул на небо, тучи постепенно растягивало, и сверху на него смотрели прогалины ночного неба, а на затихающей морской поверхности все еще играли отблески света маяка.

В доме почтальона уютно потрескивал камин, около него, кутаясь в одеяла и пледы, сидели Мари, Томми, Жаннет и Анри, а его мать отпаивала всех чаем с малиновым вареньем. Когда толпа мокрых людей ввалилась в дом, старушка вовсе не испугалась и не растерялась, отправив всех по комнатам переодеваться. Потом наведлась к каждому, без смущения растерла всех какой-то вонючей, по мнению Жаннет, настойкой и, быстро собрав все мокрые вещи, развесила из них гирлянду у камина, а обувь набила старыми мятыми газетами и отнесла на кухню.

Все потихоньку приходили в себя, налегая на картофельное рагу, которое Жаннет готовила под руководством свекрови. Только Томми был необычно угрюм и молчалив.

Дождь почти прекратился, и лишь слегка капало с крыши. Вдруг Мари встрепенулась, отставляя чашку:

– Я же оставила булочную открытой и не погасила маяк! Мне нужно идти!

– Ну и куда ты пойдешь? – дожевывая кусок хлеба с маслом, спросила Жаннет, – одежда твоя вся мокрая, а платье, надо сказать... – она скривила слегка губы, выражая этим свое мнение о состоянии любимого Мари платья.

– И все-таки так я оставить не могу. В булочной всю ночь будет гореть свет... Жаннет, одолжи мне что-нибудь?

Ее подруга тяжело вздохнула и тоже поднялась:

– Простите, – обратилась она к остальным, – эту даму не переубедить, если ей что-то в голову втемяшилось...

– Пусть Томми пока побудет у вас, – сказала Мари подруге, пока Жаннет рылась в шкафу, – вдруг подымется температура... Я завтра занесу что-нибудь из трав.

– Конечно, пусть остается! Положим его в гостиной, рядом с камином.

Они были одни в комнате.

– Не знаю, что и думать... – тихо сказала Мари.

– Да не думай ты ничего. Все живы, все хорошо. Майские грозы! Приходят и уходят. Потом с ним поговоришь. Он видишь как замкнулся, – Жаннет провела по взъерошенным волосам, – надо подождать пока.

В дверях Жаннет и Мари обнялись.

– И что ты беспокойная такая, осталась бы до утра... – вздохнула художница.

– До завтра, Жаннет! – и Мари нырнула в темноту.

Глава 5. Небеса проясняются.

Солнце плеснуло в стекло ярко-желтой краской и, ладонью ветра распахнув не закрытое на крючок окно, хлынуло светом в комнату, заполнив ее до краев. Мари заворочалась, зарываясь глубже в уютные объятия одеяла. Потом приподняла голову и щурясь посмотрела в окно. Там голубело весеннее небо и с веселым щебетом сновали птицы. Одна из них запросто могла бы принять сейчас голову девушки за вполне подходящее место для высиживания потомства. Мари встала и, подойдя к зеркалу, с удивлением уставилась на свое отражение. Потом как следует потянулась, все ее тело требовало пощады после вчерашних подвигов. Но девушка такого слова применительно к себе не знала и, сев у трюмо, принялась аккуратно расчесывать волосы.

Вскоре Мари уже шла сквозь лес. Воздух был наполнен послегрозовой свежестью. В какой-то момент девушка остановилась, глядя на продолговатые следы на тропинке, в том месте, где она вчера упала. Вздохнув, Мари припомнила, в каком виде теперь ее платье, оставленное сушиться у Жаннет. Потом поудобнее перехватила корзину с травами и зашагала вниз. Вчера Мари лишь забежала в пекарню, чтобы погасить там свет и запереть дверь, сегодня же девушке предстояло много незавершенной накануне работы. Но прежде всего, она собиралась сделать обход.

В домике почтальона все уже были на ногах. Анри собирался на работу, его мама накрывала на стол, а Жаннет и Томми спорили.

– Нет, я никуда тебя не пущу! – слышался голос художницы, – и Мари то же самое скажет. Нужно хотя бы день отлежаться... Мама, ну хоть Вы скажите ему!

Жаннет стояла у двери в гостиную, охраняя вход и выход, словно лев. Томми сидел на диване, завернувшись в плед, и пытался добиться, чтобы ему вернули верхнюю одежду. Сильно скакать по комнате в доказательство силы своих намерений он не мог, поскольку и вправду чувствовал себя не очень.

– Но я должен увидеть Элис! И Сэма тоже...

– Я уверена, что Элис сегодня тоже из дома не выпустят, а зная ее маму, думаю, тебя к ней даже не пустят сейчас. Пусть мадам Стерн немного остынет... – Жаннет картинно закатила глаза.

Однако Томми не сдавался:

– Может, Элис будет сегодня в школе!

– Да не пустят ее в школу после вчерашних купаний. Зуб даю! – вырвалось у Жаннет. На что старушка подняла светло-голубые глаза на девушку и слегка по-доброму покачала головой, а потом тихим голосом обратилась к Томми:

– Давай-ка, мой мальчик, лучше чаю. Я туда меду добавила. Вот попьешь, пропотеешь, а завтра будешь снова скакать, как кузнечик. И с друзьями играть. Вот держи, – и она сунула растерявшемуся Томми в руки большую чашку с буровой жидкостью. – Пей маленькими глоточками.

С таким напором со всех сторон ему было справиться сложно, но когда к ним присоединилась Мари, дело это оказалось вовсе безнадежным.

Девушка принесла несколько пучков трав для заваривания и передала их старшей в семействе, а Томми в очередной раз категорически запретила выходить.

– Я сегодня пойду к ним и передам от тебя привет Элис. На большее тебе все равно рассчитывать не приходится. Поэтому угомонись и залезай в постель, – строго произнесла Мари, потом повернулась к подруге, – Жаннет, подменишь меня сегодня пораньше? Я сейчас закончу заготовки и заполню первые витрины, а потом хочу продолжить обход. Хорошо?

Пунктуальность определенно не была главной добродетелью Жаннет, но в этот день она действительно превзошла себя, явившись в булочную как раз, когда Мари закончила всю работу с тестом.

– Вначале к Стернам? – поинтересовалась художница.

Мари кивнула. На что Жаннет одарила подругу насмешливым взглядом:

– Удачи!

«Мне она понадобится», – мысленно согласилась с ней Мари, выходя из пекарни.

Вопреки худшим предположениям мадам Стерн, вечерние приключения никак не повлияли на здоровье Элис, и теперь стоило больших трудов удерживать дочь дома. Когда раздался дверной колокольчик, их словесная дуэль как раз была в разгаре. Мадам Стерн быстрыми шагами двинулась к двери, в скорости ходьбы выражая свое раздражение.

– Мари? – женщина замерла у двери, не зная, как реагировать на посетительницу, – Уж никак не ожидала увидеть Вас. Рада, что вчерашняя прогулка не пошатнула *Вашего* здоровья, однако не уверена, что в данный момент готова с Вами разговаривать.

– Добрый день, мадам Стерн, – спокойно произнесла девушка, – не беспокойтесь, я ненадолго. Пришла проведать Элис и заодно взяла с собой некоторые травы для снижения жара, если они нужны. Как она себя чувствует?

За спиной мадам Стерн, все еще державшей гостью на пороге, раздались крадущиеся шаги, а затем голос девочки:

– Я отлично себя чувствую. Как Томми?..

– А ну марш в постель! – резко обернулась на дочь мадам Стерн, махнув юбками, – вот так она себя чувствует! – вздохнув, она повернулась к Мари.

– Очень рада, что Элис в порядке, – Мари принялась рыться в корзине, – но на всякий случай...

– А могла бы и не быть! – тем временем, понижая голос, но усиливая тон, резко прервала девушку мадам Стерн, сверкнув отблесками солнца в очочках, – могла бы... и вовсе на дне моря лежать! – почти прошипела она, – и все из-за этих дурных мальчишеских забав! Не представляю, о чем эти двое думали! Томми Ваш совсем без царя в голове! Ну Сэм-то ответственный мальчик. Я его мать полжизни знаю! – она поправила съехавшие к кончику носа очки и произнесла уже своим обычным голосом, – все это совершенно, совершенно не подходит для юной леди!

– Я понимаю... – грустно сказала Мари, извлекая из корзины две связки трав, – вот эти, если поднимется жар. Я прикрепила инструкцию, как заваривать. И вот эти можно добавить в вечерний чай, только без молока. Помогут спокойнее засыпать, если Вы или Элис будете чувствовать нервное возбуждение, – произнося последнее, Мари старательно скрыла улыбку, – Мадам Стерн, поверьте, – девушка глядела в глаза собеседнице, – Томми тоже очень переживает из-за случившегося. А Элис можете передать, что он чувствует себя нормально и тоже рвется поговорить с ней и с Сэмом.

– Спасибо! – снова раздалось из глубины дома за спиной мадам Стерн, – А как Сэм?

– Я как раз сейчас иду к Фюшкинсам, – Мари попыталась слегка выглянуть из-за высокой фигуры стоящей в дверях мадам Стерн, и потом уже адресовала к ней, – я передам ему привет от Элис, с Вашего позволения.

– Ох! – выдохнула возмущенно мадам Стерн, – да делайте, что хотите! Доброго дня! – потом глянула еще раз на девушку и приняла из ее рук два пучка трав, – Благодарю.

Когда дверь закрылась прямо перед лицом Мари, девушка с облегчением выдохнула и, развернувшись на каблуках, двинулась прочь.

«И нам все равно не уберечь их от всего...», – с ноткой печали мысленно добавила Мари к своей речи. Где-то в глубине она тоже чувствовала эту обиду за пережитое волнение, но одновременно с этим хорошо знала, что такое быть тем самым подростком, самостоятельно познающим мир и не готовым считаться с опытом старших. Ведь каждый опыт – уникален.

Томми сидел, подтянув колени к самому носу. Одеяло лежало на нем домиком, так что мальчик походил на индейский вигвам. В гостиной дышал теплом камин, хотя день после грозы вовсе не был чересчур прохладным. Некоторое время назад Жаннет ушла в булочную, предварительно заглянув проверить Томми – он притворился спящим. Раж и всплеск эмоций прошлого дня сменился осознанием произошедшего. Когда темные морские волны были готовы проглотить троих подростков живьем, не было особо времени на оценку происходящего. Но теперь, когда все разбрелись по домам, Томми почувствовал внутри тяжелое и тягостное чувство вины. Кому как не капитану брать на себя ответственность за кораблекрушение, считал мальчик. «Да ведь и Сэм пытался отговорить их тогда...», – пронеслось в голове «маленького вигвама». За дверью послышались аккуратные и слегка утяжеленные возрастом шаги. Томми мгновенно перевалился на бок и завернулся с головой, словно гусеничка, спешащая стать бабочкой.

Дверь гостиной осторожно приоткрылась, и к дивану подошла маленькая старушка. Она заботливо подоткнула край одеяла, послушала дыхание и потом вышла. Как только ее медленные шаги удалились, «гусеничка» подняла взъерошенную голову и на цыпочках покинула свое укрытие. Стараясь не скрипеть половицами, Томми прокрался на кухню, где была сложена вся одежда в ожидании стирки. Он быстро выцепил пропитанные солью штаны и рубашку и, быстро одевшись, вылез в кухонное окно.

Прошмыгнув по тропинке, укрытой от взора работавшей в саду старушки, Томми выбрался за ограду и побежал по улице прочь от дома, где ему было положено целый день находиться. У невысокой аккуратно выкрашенной калитки он остановился, вглядываясь в окна коттеджика и пространство палисадника. Убедившись, что его не видят, мальчик зашел на участок и, пригибаясь под окнами, двинулся вокруг дома, пока не добрался до окна, ведущего в комнату Элис. Осторожно приподнимаясь ровно настолько, чтобы лишь глаза и нос вышли над уровнем подоконника, мальчик заглянул в комнату. Девочка лежала на кровати на животе, подперев подбородок руками. Она была одета в домашнее платье и теплые серые носочки, которыми, согнув ноги в коленях, монотонно помахивала, словно в такт повествованию книги, которую увлеченно читала.

Томми осторожно постучал кончиком указательного пальца в стекло. Элис вскинула голову, отрывисто с опаской глянула на дверь и, тихонько соскользнув с кровати, на цыпочках подбежала к окну.

– Томми, что ты тут делаешь?! – приоткрыв створку, прошептала она, – Только что приходила Мари. Она сказала, ты в постели... Да и мама если увидит, то тебе несдобровать.

От последнего мальчик лишь отмахнулся:

– Элис, я просто хотел... поведать тебя и убедиться, что все в порядке, – он наклонил голову, так что теперь была видна лишь его вихрастая макушка, потом снова высунулся, – Вчера я не до конца все понимал... В общем, это я виноват в случившемся. Нужно было послушать Сэма.

– Томми... – Элис догадывалась об этих чувствах мальчика и знала, что ее мать в этом вопросе была солидарна с Томми. Но ведь и сама девочка тогда хотела скорее испытать лодку. Да как же тогда можно было всю вину сваливать на одного участника экспедиции?

– Нет, это ответственность капитана, понимаешь? – не дал ей сказать Томми, – Я поставил ваши жизни под угрозу, когда этого можно было избежать.

– Но ты кое-что забываешь, Томми, – серьезно глядя на него, сказала девочка, – ведь я – штурман, и должна была уточнить прогноз погоды и взять компас. Ответственность и на моих плечах тоже.

Томми уже набрал воздуха, чтобы возразить, но теперь уже Элис не дала ему продолжить:

– Или ты считаешь, что лишь твоя роль настоящая, а наши с Сэмом игрушечные? – невольно повышая голос с шепота, строго спросила девочка. Томми, растерявшись от такого оборота, молчал. А Элис, опомнившись, снова вернулась к шепоту, – мы все добровольно и осознанно взошли на судно. Ответственность лежит на всех нас. И это не только твоя ошибка, но так же и моя, и Сэма. Я должна была послушать его, а он – настоять. Но мы все захотели выйти в море и столкнулись с последствиями своих действий. Плохо то, что мы подвергли опасности близких... – Элис опустила глаза, наблюдая, как маленький цветной жучок ползет по белой оконной раме, потом снова подняла глаза на мальчика, и взгляды их встретились, – ты не должен брать всю ответственность только на себя. Хорошо, Томми?

Он молчал. Элис вдруг улыбнулась:

– Правда вот мама... боюсь, она не скоро отойдет от всего этого... Кстати, а что с кораблем?

– Я собираюсь туда сейчас, нужно починить снасти и убрать его под навес...

– Одному тебе не справиться, – задумчиво произнесла девочка.

– Э нет... – Томми проследил ее взгляд, – даже не думай! Твоя мать мне голову оторвет, а потом закопает где-нибудь вот здесь у вас в саду, в назидание другим!

Элис тихонько рассмеялась, представив свою маму с лопатой в руке и выражением лица охотника за головами, сошедшего с иллюстрации к приключенческим историям из ее журнала:

– Да ладно, она не узнает. Она думает, что я сплю. Надо только создать видимость, – и девочка тихонько принялась подготавливать кровать, имитируя спящее, завернутое в одеяло тело. Потом сунула Томми свои ботинки и вылезла в окно. – Ну что, за Сэмом и на верфь?

Томми только удивленно покачал головой, и двое детей, пригибаясь, побежали мимо усыпанных распускающимися белыми цветами яблонь.

Дверь открыл Сэм. Мальчик был одет в пижаму.

– Мари, добрый день! – произнес он немного смущенно, он был практически одного роста с девушкой, и глаза их оказались на одном уровне. Взгляд мальчика показался Мари немного грустным.

– Добрый день, Сэм! Как твое самочувствие? – Мари ободряюще улыбнулась ему, – вижу, тебя тоже не торопят отпускать из дома.

– Нет... – он переминался на пороге, – мама перенервничала, когда узнала... Я?... да, все хорошо. А Вы не знаете, как Элис и Томми?..

– Не волнуйся, с ними все в порядке. Оба передают тебе привет. Вам всем очень повезло, что все так хорошо закончилось.

– Да... – Сэм посмотрел в сторону, – Томми, он... Я не знаю, говорил ли он Вам, как все было. Но он не виноват, что так получилось... Это была и моя... ответственность, – Сэм наклонил голову, продолжая переминаясь, – уф... а мадам Стерн, наверное, теперь запретит нам встречаться с Элис после уроков... А, да, отца нет дома, но он сказал, что очень благодарен Вам. И я тоже... Ведь это Вы зажгли маяк?

– Не стоит... – махнула рукой Мари, – мне бы и в голову это не пришло, если бы Томми не зажигал его раньше. Кажется, мистер Нордваттер впервые показал ему, как... А что касается

мадам Стерн. Да, она в гневе, – Мари усмехнулась, вспоминая их недавнюю беседу, – но она успокоится со временем. Однако в другой раз вам нужно быть осторожнее. Тебе ли не знать, на что способно море... – Мари открыла корзину, – я принесла кое-что на случай жара, и вот это можно как успокоительное заварить, если кому-то из твоих нужно.

– О, да! Мама заперлась в комнате и не разговаривает со мной. Вчера она нянчилась, как с младенцем, а сегодня!.. – Сэм картинно пожал плечами, – говорит, я ее в гроб сведу... – и покачал головой, – спасибо, Мари, сейчас прямо заварю ей это. А Вы не знаете, как там мистер Вилькинс?.. Он ведь вчера основательно макнулся!

– Что? – Мари была занята закрыванием корзинки, но мгновенно вскинула голову.

– Ну да. Почти под лодку нырнул, когда нас вытаскивал, я даже испугался... но он вынырнул, а потом... Мари?..

Девушка развернулась и махнула рукой:

– Пока, Сэм! Мои лучшие пожелания родителям! – и поспешила к калитке.

Мальчик некоторое время наблюдал за удалявшейся фигурой, потом улыбнулся и, понимая кивнув, скрылся за дверью.

Стараясь лишней раз не попадаться никому на глаза, ведь в маленьком городке любые вести распространяются быстрее, чем в большом с помощью радиосвязи, заговорщики достигли фермы Фюшкинсов.

– Что теперь? – заглядывая через забор, спросила Элис, – ты знаешь, где он может быть?

Томми только пожал плечами, тоже обшаривая глазами участок.

– Пожалуй, лучше через задний двор... – почесав за ухом, предложил мальчик.

Обойдя участок, дети ловко переправились через забор и двинулись к курятнику. Элис очень надеялась, что они не натолкнутся на миссис Фюшкинс, ибо тогда серьезных проблем с мамой ей было не миновать.

Притаившись у маленького кудачущего домика, дети просматривали дальнейший путь. Вдруг дверь коровника отворилась, и на пороге показался Сэм, в домашних штанах, потертой рубахе и в сапогах не по размеру, в руке он нес ведро молока.

– Псс... – зашипел Томми.

Сэм нахмурил брови и завертел головой.

– Здесь... Сэм... – тихо позвала Элис.

Наконец увидев две светлые головы, торчащие из-за курятника, Сэм удивленно поднял брови и зашагал к ним.

– Привет... А вы что тут делаете-то?

– А ты как думаешь? – усмехнулась Элис, – дело есть!

– Какое дело? – зашептал Сэм, – вы что? Идите скорее по домам, моя мама увидит и всем уши накрутит, и не поглядит, что ты девочка! – последнее уже относилось исключительно к Элис.

– Сэм, не драматизируй, – отмахнулась она, в этом движении забавно копируя Томми, – неси скорее в дом молоко и скажи, что ты хочешь прилечь, а сам быстро на берег. Встречаемся у дома мистера Нордваттера. Мы ответственны за наш корабль. Понял?

Сэм вздохнул:

– Понял. Скоро буду, – и зашагал к дому.

А ребята тихонько шмыгнули назад к забору.

Когда они мелкими перебежками двигались к пляжу, Томми размышлял над тем, как лихо у Элис получилось уговорить Сэма. Сам мальчик все еще чувствовал смущение и понимал необходимость извиниться перед другом. И потом как так получалось, что с ним Сэм мог и

поспорить, а от Элис принимал почти все без возражений?.. Пока Томми был занят этими мыслями, они достигли пляжа и вышли к домику на ножках. Песок еще полностью не просох после вчерашнего потопа, хотя сегодняшний день был солнечный и теплый. Душную тягостную жару смыло прошедшей грозой, и теперь воздух дышал свежим морским бризом. Вода слегка отступила, и лодка теперь полностью лежала на песке.

Томми подошел и провел ладонью по борту. Славное судно, выдержало испытание морскими водами и вынесло команду на берег. Ребята спрятали весла под дом и принялись снимать парус.

– Ты – молодец, – обратился Томми к Элис, – хорошо держалась вчера.

– Ну да... – покачала головой она, пытаясь отвязать веревку, – запуталась в снастях, с трудом нашла шкот... Если бы ты тогда не обрубил второй, нас бы, наверное, перевернуло! Никак мне этого всего не запомнить... – она кивнула на канат в руке.

– Я тебе книгу дам, там очень хорошие схемы. Это еще мистера Нордваттера, – Томми вдруг резко замолчал, впервые за долгое время произнес это имя вслух. Ему вспомнилось видение прошлого дня. Вдруг захотелось рассказать об этом Элис, но мальчик больше ничего не сказал, продолжая снимать полотнище паруса, стянутое теперь для удобства веревками. Томми почувствовал, что некоторые вещи должны оставаться несказанными, хранимыми лишь теми, с кем они произошли. Каждый человек был сосудом своего опыта, который не мог быть перелит в другие, не расплескавшись.

Вскоре к ним присоединился Сэм, и дело пошло быстрее. Парус разложили на просушку на песке, отвязав обрывок шкота.

– Мне кажется, – сказал вдруг Сэм, – корабль наш надо будет вывести к остальным лодкам и поставить у пирса. Вечером, с приливом, когда отец пойдет в море.

Томми и Элис смотрели на боцмана с удивлением.

– Отец согласится нам помочь и выделит место, я думаю, – видя взгляды друзей, добавил мальчик.

– Сэм, – Томми вздохнул, внутренне собираясь, – я должен перед тобой извиниться.

– Не стоит, – прервал его тот, – я тоже себя виню...

– Ты? – удивился Томми, – но ведь ты единственный, кто был против...

– Если бы я был против, то отговорил бы вас, но я даже не пытался, – покачал головой Сэм.

Все трое молчали, стоя подле их творения.

– Вот что я скажу, – вдруг прервала тишину Элис, – что я поняла, читая приключенческие истории, которые моя мама считает несерьезными: любая экспедиция требует тщательной подготовки. Мы просто недостаточно изучили все. Кэп, – она обернулась к Томми, – у штурмана предложение!

– Давай! – кивнул белобрысой головой мальчик.

– Предлагаю организовать тайное морское общество, собираться станем здесь в домике мистера Нордваттера. Каждый будет изучать вопрос, за который возьмет ответственность, а потом докладывать на общих встречах и совместно обсуждать.

– Тайное общество мистера Нордваттера, – произнес молодой капитан.

– Только нам нужна будет и практика, – добавил Сэм, – мой отец мог бы с чем-то помочь, да вот с парусом он никогда не ходил. И мне кажется, никто в нашем Городке.

– Да... с этим сложнее, – вздохнул Томми.

Ребята условились собраться в хижине вечером, если им удастся снова выбраться из-под домашнего ареста, или в первый же возможный вечер, а Сэм пообещал поговорить с отцом о месте на пирсе для «Фрегата». И, гордо пожав друг другу руки, представители тайного общества капитана Нордваттера разбежались по домам.

Долгое время никто не открывал. «Наверное, он уже в школе, – подумала Мари, – разумеется, он в школе. Как глупо было с моей стороны сюда приходиться!» – она уже собиралась сойти с порога, как вдруг дверь приоткрылась, обнаружив за собой крайне неожиданный образ мистера Вилькинса. Впервые Мари видела учителя географии взъерошенным и с не приглаженными усами. Одет он был в пижаму, а горло и шею покрывало два оборота серого вязаного шарфа.

– Простите, Мари... – хрипло произнес мистер Вилькинс, – я сегодня не очень расположен к визитам... Надеюсь, все здоровы.

– Все, кроме Вас, похоже... – всматриваясь в него, произнесла девушка, – у Вас какие-нибудь лекарства дома есть?

– Я... – он неопределенно повел плечами, показывая, что ему это не нужно.

– Понятно, – Мари не дала ему договорить и уверенно шагнула внутрь. Она быстро коснулась ладонью лба учителя, – немедленно идите в постель! Помнится, кухня у Вас там?

Девушка поставила корзинку на стол. Мистер Вилькинс все еще стоял у двери:

– Мари... правда, не стоит. Завтра я уже буду в полном порядке. Единственное, что Вы могли бы для меня сделать – это зайти в школу попросить мадам Жерни подменить меня сегодня.

– Непременно, – кивнула девушка, – и еще на несколько дней. Но вначале я приготовлю Вам отвар и компрессы. А пока, будьте добры отправиться в постель. Не надо на меня так смотреть! Некоторое время назад я лежала вот здесь, на этом диване, без сознания, и Вы как нянька сидели подле меня денно и нощно. И не отмахивайтесь! Мисс Спрат мне все рассказала тогда. И Вы думаете, что я брошу Вас здесь больного? Хорошего же Вы обо мне мнения!

Мистер Вилькинс лишь покачал головой, видя, что уговоры бесполезны, и отправился наверх.

Через некоторое время на лестнице раздались аккуратные шаги, и Мари вошла в комнату с подносом в руках. Она никогда не была в этой части дома. Даже когда она провела несколько дней у мистера Вилькинса во время своей болезни, он тактично оставил ее в гостиной. Теперь, войдя, Мари на мгновение растерялась. Это была небольшая комната, располагавшаяся прямо под крышей, и потому частично со скошенным потолком, но даже в этом пространстве нашлось место для невысокого книжного стеллажа, тут же был и платяной стенной шкаф, и неширокая кровать, в которой лежал мистер Вилькинс, укрывшись до груди одеялом. На прикроватном столике стоял тазик для умывания и кувшин. Пока Мари хлопотала на кухне, хозяин дома успел немного привести себя в порядок и снова напоминал спокойного педантичного преподавателя географии, только в полосатой пижаме вместо пиджака. Однако его состояние выдавало покраснение под носом и слегка болезненный блеск в глазах, а также замотанное горло.

Мари поставила поднос на столик и сняла с него умывальные принадлежности.

– Вот, держите, – девушка протянула мистеру Вилькинсу чашку, над которой тонким налетом струился пар.

Мистер Вилькинс глотнул, немного закашлялся и продолжил медленно пить. По выражению его лица можно было судить, что напиток принес ему облегчение.

– Хорошо, Мари, – он поставил пустую чашку на столик, – я позволю Вам меня лечить, но при одном условии.

Мари улыбнулась глазами, слегка прищурившись.

– Если Вы согласитесь пойти со мной на праздник, – мистер Вилькинс смотрел на девушку – в его изумрудных глазах тоже светилась улыбка.

– Хорошо, Джон.

– Томми сбежал, – этими словами Жаннет встретила своего мужа, вернувшегося с работы.

– А ты думала, он тут целый день сидеть будет под бдительным присмотром моей матушки? – усмехнулся Анри, снимая фуражку и приглаживая черные кудри. Он нежно поцеловал жену и двинулся в гостиную, – готов поспорить, что остальных тоже нет дома.

– Остальных? – удивилась Жаннет, – ты хочешь сказать, Элис и Сэм тоже?

– Мне кажется, я сегодня даже видел их на пляже, когда забирал у мадам Кюрю посылку. Она меня попросила заехать, поскольку ей самой не донести. Что-то дочери опять отправляла...

– Подожди с посылкой, – прервала его Жаннет, – Ты говоришь, видел детей на пляже? Но ведь они же не собираются снова выходить в море?

– Не думаю, – Анри опустил за стол, на котором уже стоял горячий чайник, были приготовлены чашки и миниатюрный кувшинчик с молоком, – ты же видела Томми. Мне кажется, он парень разумный и все осознал. Им просто хочется увидеться друг с другом. Глупо после того, что вчера произошло, держать их по разным углам. Давай ужинать. Скоро Томми сам заявится, притом наверняка голодный.

Жаннет поцеловала мужа в лоб и принялась накрывать на стол. Как и предсказывал Анри, Томми не заставил себя долго ждать. В этот раз он решил воспользоваться традиционным входом в дом, понимая, что его исчезновение давно обнаружено и нет смысла пытаться прокрасться через кухонное окно.

– Мари не заходила? – спросил Томми, когда все сидели за столом.

– Нет, – Жаннет передала по кругу корзиночку с хлебом, – но она сказала, что если ты будешь сегодня хорошо себя чувствовать, то завтра можешь вернуться на маяк.

– И в школу, – с улыбкой добавил Анри.

– У меня сегодня не было возможности проследить за тем, как ты себя чувствовал, – заметила Жаннет, – но что-то мне подсказывает, что неплохо. Однако если хочешь – можешь еще пожить у нас.

– Нет, – ответил мальчик, – спасибо вам всем за гостеприимство, но я, пожалуй, вернусь завтра на маяк. Там мое место... – а потом добавил, – дом.

– Хорошо, – кивнул Анри.

Его мать тихонько вздохнула, ей нравилось присутствие ребенка в доме.

– Знаешь, Томми... – через некоторое время снова заговорила Жаннет, – мы все очень волновались за вас. – Анри глянул на жену, как будто хотел мягко остановить ее, но она и сама не продолжала фразы.

– Да, я... понимаю, – Томми отодвинул тарелку, – я пойду немного подышу воздухом перед сном в саду. Спасибо за ужин! – он встал и быстро вышел.

– Я вот что подумала, – обратилась к оставшимся за столом Жаннет, дождавшись, когда шаги Томми отдалятся. – Мой брат скоро вернется на родину. Может, мы пригласим его погостить у нас некоторое время?

Анри глянул на мать. Та улыбнулась:

– Сынок, что ты на меня смотришь? Это вам с Жаннет решать, а я всегда рада гостям. У нас так тихо до этого было в доме. А теперь ты женился, вот еще Томми у нас гостил. Так хорошо... Еще бы мне внуков застать, совсем славно было бы... – закончила она мечтательно.

– Ну, мама! Что значит застать? Тебе еще нянчиться с ними придется, – рассмеялся Анри, потом повернулся к жене, – ну раз маму не стеснит гость, то я не против. И буду рад познакомиться с твоим младшим братом!

– Вот и отлично! – воскликнула девушка. – Я думаю, встреча с настоящим моряком пойдет Томми на пользу, – она выглядела чрезвычайно довольной своим планом, – пойду скорее напишу Ксавье!

Томми сидел в саду под яблоней и смотрел на темнеющее небо. Там еще не зажглось ни одной звезды, и где-то вдали таяли последние отголоски заката. Воздух был свеж и напоен ароматом цветущих яблонь. Неподалеку кричал соседский петух, шебуршал листочками в кронах плодовых деревьев ветер и доносился отдаленный шепот моря...

За спиной мальчика послышались шаги. Анри в домашней обуви шел по садовой дорожке.

– Не помешаю? – он кивнул на свободную часть скамейки рядом с Томми. Мальчик ответил приглашающим жестом.

Опустившись рядом, почтальон тоже стал смотреть на небо. Оба сидели молча, наблюдая, как быстро меняются краски. Анри подумалось, что Жаннет наверняка бы побежала сейчас за мольбертом и принялась махать кистями, тихонько ругаясь, что не поспевает отразить всех цветов... Томми сидел безмолвно, не отрывая глаз от темнеющего неба, но Анри показалось, что мальчик уже давно смотрит не на него, но куда-то вглубь.

– Мой отец погиб, когда мне было шестнадцать, – вдруг заговорил мужчина, – он тоже был почтальоном. Но тогда не было еще телеграфа, чтобы быстро передать сообщения. Не было на нашей почте и машины, отец держал пару лошадей. Я помню их хорошо. Одна лошадка – высокая такая, темная, с пятнистым крупом, а второй – низенький конек рыжеватой окраски. Очень вредный. Когда не хотел работать – больно кусался, – Анри улыбнулся своим воспоминаниям, потом продолжил: – Отец ехал в Портовый Город тогда, забирать почту. Был ураган, и на его телегу свалилось дерево. Нашли его только через несколько дней... Мы думали, что он в Городе, но не могли связаться. А там предположили, что из-за урагана он выехал позже... Вот так. И никто не знал. Рыжий конь высвободился как-то и пришел домой. Он единственный, кто выжил тогда. С тех пор мы с матушкой жили вдвоем. В тот же год я заменил отца на почте. Маме было так страшно поначалу отпускать меня... После того, что случилось с отцом. Но у нее не было выбора. Рано или поздно все родители или те, кто их заменяет, должны отпустить своих детей, но это не значит, что им не страшно.

На некоторое время повисла тишина, прерываемая лишь соловьиным пением.

– Ладно, – Анри уже собрался уходить.

– Мне жаль, – остановил его Томми, – что твой отец погиб. И что мы так напугали вас всех, – мальчик вздохнул. – Тяжело было, наверное, без отца... Там, где-то далеко за океаном, живут мои родители, которых я долго тоже считал погибшими. Когда-нибудь я взойду на корабль, найду их, и мы будем путешествовать вместе. Но пока я просто не могу сидеть сложа руки и ждать, когда придет ответ на мое письмо. К тому же, это может быть долго. Я хочу готовиться, я хочу ходить под парусом, как те исследователи и капитаны, о которых читаю...

– Ты знаешь, я тут совсем недавно узнал, что у Жаннет есть брат... – Анри упер ладони в колени и посмотрел на мальчика.

– Я нашел решение нашей проблемы! – гордо объявил Томми, когда вся троица уселась вокруг небольшого стола, выдвинутого на середину комнаты. За большим окном домика на ножках постепенно темнело.

Элис выпустили из-под домашнего ареста только к Празднику Начала Лета. А до этого друзья могли видеться лишь в школе, что в том числе стимулировало Томми к ее регулярному посещению.

Теперь, когда праздник был в самом разгаре, и все присутствующие восхищались угощением, приготовленным Мари – ее новые шоколадные десерты получили всеобщее одобрение, а молодые пары кружились и отплясывали под звуки местной группы музыкантов-любителей, – дети тихонько уговорились и скрылись с праздника, чтобы провести первую официальную встречу тайного общества капитана Нордваттера.

Томми вспомнил рецепт знаменитого грога «без одного ингредиента», и теперь ребята пили его из металлических кружек, словно уже находились в морской экспедиции.

Шкипер Элис принесла планы местности, которые по совету Томми попросила у мистера Вилькинса, как это когда-то уже делал мальчик. Она аккуратно перенесла все на большие листы бумаги, чтобы у ребят были собственные карты. Боцман Сэм, как обещал, уговорился с отцом относительно места на пирсе, и на следующий день команде «Фрегата» предстояло вытащить из-под навеса их судно и перевести его в местную «марину»⁶. Теперь, держа в руке чашку с «грогом», капитан Томми сообщил друзьям радостную новость, что скоро в Городок-вниз-по-холму должен прибыть настоящий моряк, который, по словам Жаннет, согласен помочь им с практической частью подготовки.

– За «Фрегат» и общество капитана Нордваттера! – поднял кружку Томми.

– Хэй, хэй!!! – дружно отозвались Элис и Сэм.

А тем временем перед ратушей под звуки скрипки и аккордеона танцевали две молодые пары. Недавно поженившиеся художница и почтальон весело кружились между нарядных столиков, когда учитель географии элегантно протянул руку своей спутнице, приглашая на танец. В этот день помогать на празднике вызвались сразу и Жаннет, и мадам Кюрю, и даже мама Анри. Художница, как обычно, взяла на себя оформление, украсив столы и зал гирляндами из живых цветов. И потому у Мари было время провести его с тем, кто сопровождал ее в этот день. Надо заметить, что стараниями девушки мистер Вилькинс полностью поправился к празднику и даже чуть раньше, и теперь Джон и Мари плавно вальсировали под переливы скрипки и музыки морских волн.

Весенние грозы отшумели, и Городок-вниз-по-холму ждало наполненное яркими красками и новыми приключениями лето.

⁶ Марина – оборудованная гавань для парусных судов.

Часть вторая. Заброшенный дом

Глава 1. Девочка с рыжими волосами

– А к нам на танцы пришла новая девочка! – сообщила Элис.

Она сидела, поджав под себя ноги, поскольку боялась высовывать их за ограждения маяка, как это делал Томми, ей казалось, что если последует его примеру, то обязательно уронит сандалии в море. А сейчас ей очень не хотелось давать маме поводов для недовольства. Та только недавно стала снова ее отпускать встречаться с Томми, да и то с трудом и выдвинув ряд условий.

Элис посмотрела на Томми, ожидая его реакции. Но он не отрывал взгляда от волн далеко внизу и сосредоточенно болтал ногами. Казалось, такое событие, как появление нового человека в маленьком Городке-вниз-по-холму, его совершенно не волновало.

– Она рыжая и веснушчатая, – продолжала Элис, – даже более рыжая, чем мистер Вилькинс! Ее семья только переехала сюда. И знаешь, где они поселились? – Элис прищурила глаза, видя, что Томми все еще не слушает ее, и, выдержав паузу, произнесла: – на окраине Городка, в том старом доме, который находится по дороге к дому мистера Вилькинса!

Томми резко обернулся:

– В Заброшенном доме? – мальчика совершенно не волновал цвет волос новой девочки, но тот факт, что кто-то поселился в таинственном заброшенном доме, окруженном диким садом, был куда интереснее!

– Да, тот самый, куда ты лазал через забор два года назад и таскал яблоки, – рассмеялась Элис.

– Подумаешь... сад-то заброшенный и никому те яблоки не нужны были... – пожал плечами Томми и снова перевел взгляд на горизонт, – интересно, как теперь там...

– Да уж. В этом году яблоки будут чьи-то. Мама сказала, что эта девочка, Кэтрин Бэккет, раньше занималась балетом. Ее родители очень обрадовались, что в нашем маленьком городе есть своя студия классического танца... – Элис все-таки вознамерилась снабдить Томми полным отчетом о новенькой, – Она такая маленькая, я, когда увидела ее, подумала, что она из младшей группы...

«Интересно было бы туда наведаться, в Заброшенный дом», – тем временем размышлял мальчик, продолжая усиленно болтать ногами в воздухе и не очень прислушиваясь к описанию девочки.

Сэм в этот вечер ушел рыбачить с отцом, и Томми с Элис провожали очередной закат на маяке вдвоем. Наступило время летних каникул, и возможностей собираться вместе у ребят стало больше. Они проводили вечера на маке, днем гуляли по лесу, купались в море и, конечно же, устраивали регулярные встречи «тайного общества капитана Нордваттера» в домике на ножках.

Томми посмотрел на Элис, поднявшуюся и выглядывающую из-за ограждения вниз на то, как бредут одна за одной к берегу волны. Косы девочки свесились и покачивались на ветру. Томми показалось, что они стали еще длиннее, и он представил, что вдруг они начинают расти и вскоре достигают окна в его комнату, и усмехнулся этой мысли.

– Ты чего? – Элис обернулась на него.

– Да так... – отмахнулся Томми, улыбаясь и возвращаясь к разговору про заброшенный дом, – а ты, кстати, давно была там?

– Где? – не поняла девочка.

– Ну, у Дома, конечно же! – Томми удивил ее вопрос. Что же еще он мог иметь в виду?
– Да я и не хожу туда, – пожалала плечами Элис, – в последний раз, наверное, тогда вместе с тобой и была. А что?

– Интересно, как это они там поселились... Вдруг в нем привидения или старые клады, или...

– Да нет там ничего, – Элис смотрела вниз на воду, – просто заброшенный дом, который никому не был нужен. И вот теперь там поселилась приезжая семья. Только и всего. Мне другое интересно, а она действительно занималась балетом?..

Томми снова посмотрел на девочку с удивлением, его поражало, как это Элис не умеет держать внимание на важных вещах. Ее волновали какие-то рыжие девочки и балет, когда речь шла о Заброшенном доме!

Вечером, когда зашло солнце, Томми, как обычно, проводил Элис до калитки ее дома, но дальше не пошел, предпочитая пока лишний раз не попадаться на глаза миссис Стерн. Затем, вместо того, чтобы повернуть обратно к лесу, он двинулся к противоположной части Городка, туда, где на самой окраине стоял домик учителя географии, а неподалеку – окруженный замшелым покосившимся забором, тонул в одичавшей растительности, вызывающий любопытство мальчика, дом. Строению, судя по облику, лет было уже немало, но оно было построено на славу, и даже оставшееся столько времени необитаемым не сильно сдало, предоставив неплохой кров новым обитателям.

Томми шел по пустеющим кривым улочкам, в редких местах которых, словно огромные светлячки, в густых кронах уже горели фонари. Деревья и кустарники высывали любопытные головы из-за хозяйских заборов, а вечерний воздух был наполнен смесью морского и цветочного ароматов. Ближе к окраине Городка редкие фонари исчезали вовсе, и сиреневость сумерек здесь нарушалась лишь запутавшимися в обильной зелени садов оранжеватыми отсветами зажигающихся окон. Заброшенный дом стоял в некотором отдалении от основной улицы, словно отшатаваясь от аккуратности и ухоженности соседних участков, заросший и дикий, он был почти не виден среди своего сада. Однако и там горело несколько окон. Томми подошел к самому забору и, нырнув в знакомую щель, прополз по плетеному коридорчику в живой изгороди, оказавшись в саду. Трава была усыпана лепестками почти отцветших яблонь, эти белые пятнышки будто светились в наползающей из-под деревьев темноте. Томми приблизился к дому. Раньше он заходил туда – несмотря на запертые двери, всегда находил лазейки. Но всего дома целиком не видел. И хотя у мальчика за плечами был опыт бродяжничества, и заброшенными домами его было не напугать, этот почему-то вызывал у него тревожные чувства, и Томми старался лишний раз туда не лазить, ограничиваясь лишь садовыми яблоками. Сейчас же из распахнутого навстречу вечерней свежести окна доносились голоса. Беседовали мужчина и женщина. Томми тихонько приблизился и заглянул.

Комната, что раньше пустовала и была пристанищем паучьих ткаческих соревнований, теперь была хорошо убрана, почти у самого окна стоял обеденный стол, застеленный чистой скатертью, а за ним сидела пара среднего возраста. Крепкий и невысокий мужчина, и женщина – скорее миниатюрная с аккуратными точеными чертами лица, причем оба – невероятно рыжие.

Томми нырнул обратно в кусты, и поспешил выбраться с участка. Теперь, когда дом был освещен лампами и присутствием обитателей, он больше не казался мальчику таким уж таинственным и мог бы вполне сойти за один из обычных домов Городка. И все же...

Шагая домой через лес, Томми размышлял о словах Элис. Он почти был готов принять ее точку зрения – дом как дом... С тяжелым уханьем мимо пронеслась крупная тень и приземлилась на ветку соседнего дуба. На мальчика вытаращились две желтые плоские глаз.

– Привет! – сказал филину Томми и, помахав птице рукой, двинулся дальше. Ночной житель леса совсем не пугал его: обитатели маяка и леса давно привыкли друг к другу.

Деревья расступились, открывая длинную башню белеющего над обрывом маяка, где призывно горели два окна. Томми хорошо знал каждое – одно принадлежало гостиной, второе – комнате Мари. И мальчик весело зашагал вверх по тропинке, предвкушая ждущий его ужин.

За рыбой в Городке все, как правило, приходили с утра. Отец Сэма с еще несколькими рыбаками частенько отправлялись в ночь, или же с утра собирали выставленные с вечера сети. Перед ночными выходами миссис Фюшкинс заваривала мужу крепкий кофе и заливала его в термос, а иногда еще острый мятный чай, чтобы можно было чередовать напитки, когда один из них переставал действовать. Затем на рассвете она выходила к пристани и помогала мужу с покупателями. Но в это летнее утро из пробуждающегося дома Фюшкинсов вышел Сэм младший. В дни школьных каникул он мог больше помогать родителям. Теперь, когда мать и младшая сестра занимались коровами и козами, мальчик шагал на пристань, держа в руках корзину с завтраком для отца.

Когда Сэм вышел к пирсу, рыбаки еще не вернулись, и на привязи покачивались лишь несколько маленьких лодочек, их «Фрегат» гордо занимал среди них свое место. Сэм опустил корзину на доски и сам сел, свесив ноги к воде. Утренняя прохлада влажной ладонью пробралась под рубашку, заставив мальчика поежиться, но он привык к такому. Вдалеке на нежно-голубой воде виднелись штришки лодок,двигающиеся к берегу, наслаждаясь тишиной пробуждающегося мира. Светлеющий горизонт дышал легкими пастельными тонами. Лишь вода слегка всплескивала у деревянных свай. Мальчик глянул на парусную лодку, которую они втроем построили весной, он знал, что Томми и Элис с нетерпением ждут приезда брата Жаннет, чтобы можно было снова взойти на судно. Конечно же, Сэм тоже этого хотел, но его желания были спокойнее и не столь эмоционально окрашены. Он перевел взгляд с «Фрегата» на приближающиеся лодки, терпеливо дожидаясь их прибытия. Ему нравилось помогать отцу – когда тот кидал ему веревку, и Сэм подтягивал лодку и швартовал ее, затем они вместе выгружали рыбу, мыли руки в морской воде и садились завтракать на пристани, в ожидании первых покупателей. За утро мимо них проходил почти весь городок, скупая улов. Для семьи мистер Фюшкинс ходил в другое время, а этот улов был весь на продажу. Сэм знал, что первыми придут их три пожилые соседки, а другим – он сам потом занесет рыбу, поскольку так было договорено между ними и миссис Фюшкинс. Чуть позже подтянутся его заспанные одноклассники, которых отправили за рыбой родители. Но только мальчики. Девочки будут в сопровождении матерей. Появление мадам Кюрю предупредит лай ее любимого питомца. Мари тоже придет одна из первых, а вот вместо Анри теперь на его велосипеде прикатит Жаннет. Ей, кстати, надо отложить рыбы получше, ведь девушка, скорее всего, припозднится, и все самое лучшее могут разобрать. И Сэм заворачивает в тряпицу и прячет несколько рыббин.

Но вот на берегу появилась незнакомая женщина. Сэм сразу заметил ее среди остальных, ибо даже шляпка не могла скрыть яркой рыжести ее волос. Дама подошла и придирчиво стала разглядывать рыбу.

– Доброе утро, мадам! – вежливо поздоровался мистер Фюшкинс, – миссис Бэккет, я полагаю?

– Совершенно верно, – кивнула дама, – доброго утра и Вам, мистер Фюшкинс, правильно? А это Ваш сын? – она посмотрела на Сэма.

– Да, мой старший. Я слышал, у Вас дочь п-примерно этого возраста. Будете учиться в одном классе, – последнее мистер Фюшкинс адресовал сыну.

– Мне кажется, Кэт помладше, – рассмотрев Сэма, заключила дама и вернулась к инспекции рыбы. В этот момент мальчик почувствовал себя частью улова и предпочел переключиться на других покупателей.

– Мистер Вилькинс! – сын рыбака радостно замахал учителю и, быстро подхватив несколько рыб, поспешил к нему. Он знал, какую рыбу любит брать учитель, и воспользовался ситуацией, чтобы слегка удалиться от странной дамы, чей взгляд ему был не слишком приятен.

– Спасибо, Сэм! – улынулся мистер Вилькинс, – я чувствую себя особенным покупателем. Не обидятся ли дамы?

Сэм аккуратно уложил рыбины в корзинку учителя и произнес негромко:

– Некоторые дамы вряд ли бы позволили мне выбрать им рыбу.

Мистер Вилькинс бросил взгляд на покупательниц и сразу понял, о которой из них шла речь.

– Тем, кто прибыл издалека, не просто сразу освоиться с местным ходом вещей, Сэм. Я сам был приезжим здесь, и прошло немало времени, прежде чем я перестал чувствовать себя чужаком.

Сэму показалось это странным – по его представлениям, учителя любили все. Однако будучи маленьким ребенком в то время, он мог не заметить каких-то вещей.

– Откуда они, Вы не знаете? – спросил Сэм.

– Кажется, из какого-то далекого индустриального города, если я не ошибаюсь. Предполагаю, что сельская местность им непривычна.

И мистер Вилькинс подошел поприветствовать свою новую соседку. С ним женщина показала себя более приветливой, было видно, что она уже знакома с учителем.

– Сэм, – окликнул мальчика отец, – ты не сможешь миссис Бэккет занести корзину с рыбой домой?

Оказалось, мистер Вилькинс собирался показать новой жительнице городка школу, в которую с осени будет ходить ее дочь. Ему самому, правда, вовсе не мешала корзина с покупками, а вот его спутницу тяготила, и, проявляя дружелюбие к новой покупательнице, мистер Фюшкинс предложил помощь своего сына. Миссис Бэккет расплатилась и, коротко поблагодарив, передала корзину мальчику:

– Мистер Бэккет скорее всего работает сейчас в саду. Передай ему или Кэтрин.

Сэм забрал корзину и, попрощавшись с мистером Вилькинсом, двинулся прочь от пристани. Городок-вниз-по-холму уже дышал пробудившейся жизнью. На каждом участке что-то происходило, по улицам шли по всевозможным делам люди, здороваясь друг с другом и с Сэмом. Ведь в маленьком городке все знакомы.

Приоткрыв старенькую калитку, Сэм глянул в сад. Под изогнутыми узловатыми ветвями яблонь росла высокая трава, почти скрывавшая тропинку. Не было видно ни хозяина, ни его дочери. Сэм двинулся к дому, размышляя, постучать или обогнуть строение и посмотреть на заднем дворе. Он уже почти занес руку к двери, когда из-за спины его окликнули.

Резко обернувшись, Сэм увидел, как что-то быстро соскочило с близстоящей яблони. Мелькнуло белое пятно и огненно-рыжее, и перед ним оказалась миниатюрная девочка в белом платье с кружевным воротником и толстыми, до конца не заплетенными косами, перехваченными лентами лишь на середине, заканчивающиеся ярко-рыжими кистями, напоминающими уши зверька. Да и в самой девочке было что-то то ли от белки, то ли от какого-то иного небольшого лесного обитателя.

– Ты кто такой? – не здороваясь, спросила рыжая.

– Добрый день, – тихо начал Сэм, – меня зовут Сэм Фюшкинс. Миссис Бэккет попросила меня отнести ее корзину с покупками. Куда я могу ее поставить?

– Ну и фамилия у тебя, – рассмеялась девочка, не обращая внимания на указанную корзину.

– Не смешнее, чем у тебя, – без злобы или насмешки спокойно ответил Сэм, просто констатируя факт.

С веснушчатого лица девчонки улыбка сразу исчезла. Что Сэму не очень понравилось, ему показалась, что широкая веселая улыбка очень идет девочке, а вот мордочка обиженного зверька – не очень.

– Давай корзину, – сказала она.

– Я могу занести ее на кухню, – ответил Сэм, он почувствовал себя вдруг неудобно из-за произошедшего, – она тяжелая.

– Не надорвусь, не беспокойся, – фыркнул маленький рыжий зверек, – я даже на руках стоять могу, а значит, мои руки могут держать вес всего моего тела. А я точно вещь больше, чем эта корзина.

Сэм пожал плечами и протянул корзину девочке, но она почему-то не взяла, продолжая изучать его взглядом, почти как ее мама сегодня на пристани.

– И что же, Сэм Фьюшкинс, значит, ты работаешь посыльным?

– Нет, – он удивился такому вопросу, – мой отец – рыбак, я помогаю ему. Но пока я не работаю еще... Я учусь в школе, как и ты. Мистер Вилькинс сказал, что ты будешь ходить в один класс с нами.

– Мистер Вилькинс? – девочка почесала веснушчатый нос, припоминая, – а... это тот высокий мужчина, что помогал отцу, когда мы только приехали... Точно. Мама еще говорила, что он учитель. Только не помню, чего...

– Географии.

– Скучный предмет...

– Вовсе не скучный. Мистер Вилькинс очень интересно рассказывает про континенты, как Земля устроена... другие государства... Я не очень, правда, хорошо все это запоминаю... – мальчик замялся, – но мне интересно. У тебя, наверное, был скучный учитель в другой школе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.